

ПРОФ. С. И. КОВАЛЕВ

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

О Г И З

Государственное Социально-Экономическое Издательство
Ленинградское Отделение
1937

Настоящая книга в живой доступной форме и на большом конкретном материале, основанном на последних достижениях исторической науки, излагает историю одного из величайших полководцев и государственных деятелей древнего мира — Александра Македонского.

Книга рассчитана на широкий круг советских читателей, рабочих-стахановцев, колхозную интеллигенцию и учащихся.

Книга проф. Ковалева принадлежит к серии научно-популярных исторических работ, издаваемой Союзгизом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА И НАЧАЛО ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Летом 356 г. до новой эры у македонского царя Филиппа II и его жены Олимпиады родился сын Александр.

Македония до Филиппа не играла почти никакой роли в жизни древней Греции. Это была страна, расположенная на севере Балканского полуострова, вдали от главных греческих центров. Отделенная горными хребтами от Северной Греции, окруженная варварскими племенами Иллирии и Фракии, отрезанная от моря греческими колониями, Македония долго оставалась на низком уровне экономического и общественного развития. Главным занятием населения являлись земледелие и скотоводство. Городская жизнь была развита слабо. Среди крестьянского населения еще сохранялись общинные отношения. В жизни государства огромное значение имела родовая знать, владевшая большим количеством земли. Однако экономическая зависимость крестьянства от этой знати еще не перешла в кабалу и долговое рабство. Македонское крестьянство в подавляющем большинстве сохранило личную свободу. Рабов в Македонии было мало. Государственный строй соответствовал этим неразвитым общественным отношениям. До конца V в. до н. э. Македония даже не представляла единого, сплоченного государства. В западной части ее, в так называемой Верхней Македонии, горной и суровой стране, еще сохранились самостоятельные княжества, где правили местные знатные роды. Они почти не признавали власти царей Нижней Македонии — восточной равнины, примыкавшей к морю.

Но это положение начало изменяться с конца V в. Цари Нижней Македонии пытаются объединить под свою власть всю страну. Однако эти попытки встречают жесто-

кое сопротивление со стороны князей Верхней Македонии, отстаивающих свою самостоятельность. Долгие годы идет борьба, пока, наконец, Филиппу II не удалось добиться централизации государства. Сначала Филипп был только опекуном своего малолетнего племянника, царя Аминты. В 359 г. при поддержке войска он лишил Аминту власти и был провозглашен македонским царем. При нем Македония из маленького, раздробленного и слабого государства превратилась в сильнейшую военную державу. Филипп был человеком железной воли, не останавливавшимся ни перед чем для достижения своих целей. В политике он отличался большой осторожностью и хитростью, но в личной жизни был крайне несдержан, вспыльчив, неумерен в пище и питье и страстно любил женщин. Македонский двор при нем славился во всей Греции своими грандиозными кутежами. Однако это не помешало Филиппу проявить способности крупнейшего государственного деятеля, равного которому тогда не было в Греции. Надо отметить еще, что свою молодость Филипп провел в Греции, где хорошо познакомился с греческой культурой и в частности прекрасно изучил военное дело греков.

Став «законным» царем, он провел в Македонии ряд важных реформ. Из них на первом месте нужно поставить создание сильной армии. До Филиппа македонское войско было мало организовано. Правда, один из предшественников Филиппа, царь Архелай, еще в конце V в. начал организацию регулярной армии. Но только Филипп это дело завершил. При нем македонское войско получило свое классическое устройство. Ядром его служили тяжелая конница и пехота. Первая состояла из знати. Всадники, носившие название «товарищей» (этеров) царя, сидели на тяжелых конях, выкормленных на прекрасных лугах Македонии и Фессалии. Они были одеты в металлические панцири и шлемы и вооружены мечами и копьями. Кавалерия делилась на илы (конные полки). Всадники каждой илы обычно были родом из одной и той же местности. Тяжелая кавалерия играла в македонской армии огромную роль, так как с помощью ее происходила главная атака на неприятеля.

Другой, не менее важной частью македонского войска была пехота тяжеловооруженных. Она набиралась из зажи-

точных слоев крестьянства. Вооружение пехотинца состояло из щита, панциря, шлема, поножей, меча и копья. Копья, называвшиеся по-македонски сариссами, были очень длинные — от трех до пяти метров. Тяжелая пехота делилась на несколько таксисов (полков), каждый из которых состоял, приблизительно, из 1500 человек. Хотя таксисы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие единицы, но в бою каждый таксис обычно выступал как одно целое. Он представлял плотно сомкнутый четырехугольник, где воины каждой шеренги стояли плечо к плечу. Число шеренг доходило до 16 и больше. В Македонии было легко создать такой строй пехоты благодаря большому количеству крестьянства и наличию в армии значительных масс конницы, защищавшей пехоту с флангов (см. ниже). Такое замкнутое и глубокое построение пехоты называлось македонской фалангой в отличие от греческой, где строй не был таким глубоким. В бою длинные сариссы задних шеренг выставлялись на линию фронта, и каждый таксис представлял грозно ошестинившуюся, закрытую щитами плотную массу людей. При наступлении, когда задние шеренги давили на передние, удар фаланги был неудержим. Слабыми местами фаланги являлись ее фланги и тыл, так как перестраиваться она могла лишь с большим трудом.

Но здесь на помощь ей приходили легкие части македонской армии — легковооруженные кавалерия и пехота. Первая состояла частью из македонских, частью из различных иллирийских и фракийских племен, покоренных Филиппом и обязанных поставлять ему военную силу. У легкой кавалерии кони были мельче и вооружение всадников легче. Легкая пехота (так называемые гипасписты) была вооружена маленькими щитами и короткими копьями. Как легкая кавалерия, так и пехота являлись более подвижными частями македонского войска. Их назначение в бою состояло в том, чтобы прикрывать фланги и тыл основного ядра армии, нести разведывательную службу, преследовать разбитого противника и т. п.

Главное значение военной реформы Филиппа заключалось в том, что ему удалось добиться согласованного действия различных частей армии, чего раньше в Македонии не было. К этому нужно добавить, что при Филиппе в Македонии впервые появляется флот; это стояло в связи

с тем, что Филиппу удалось овладеть фракийским побережьем (об этом см. ниже). При Филиппе же в македонском войске стали применять различные осадные «машины», употребление которых в Греции началось еще в V в. Из них нужно указать таран, тяжелое бревно, снабженное металлическим наконечником обычно в форме бараньей головы, отчего и все приспособление называлось «бараном». Это бревно подвешивали на цепях и, раскачивая его, ударяли наконечником в стену осажденного города. Кроме тарана применяли передвижные штурмовые башни, приспособления для метания во врага стрел и камней и т. д. Употребление этих механических снарядов особенно широко развилось в македонском войске уже при Александре.

Военная реформа Филиппа стояла в тесной связи с тем, что он завершил государственное объединение Македонии. При нем были окончательно лишены политической самостоятельности княжества Верхней Македонии, которые должны были полностью признать власть Филиппа. Правившие там княжеские роды превратились в его этеров, «товарищей», вошли в его придворную свиту и стали служить командирами отдельных частей македонского войска. Только это государственное объединение дало возможность Филиппу создать единую, сплоченную армию. Из других мероприятий Филиппа нужно отметить его денежную реформу. До IV в. денежное хозяйство в Македонии было развито очень слабо. Но в IV в. хозяйственная жизнь страны испытала значительные изменения. Благодаря связям с греческими колониями побережья в Македонии начинают развиваться ремесла и торговля, усиливается городская жизнь. Денежный оборот расширяется. Это заставило Филиппа усилить чеканку монеты. До него в Македонии ходила только медная и серебряная монета греческого образца. Он впервые начинает выпускать золотую монету (так называемые «филиппики», стоимостью около 10 руб. на довоенные деньги). Денежную реформу Филипп мог провести только потому, что ему удалось захватить богатые золотые рудники во Фракии на реке Стримоне, откуда он стал добывать большое количество золота.

Внутренние реформы привели к сплочению и усилению Македонии и дали возможность Филиппу начать широкую завоевательную политику. Но об этом ниже.

✕ Когда в 356 г. у Филиппа родился сын, это событие прошло совершенно незамеченным в тогдашнем мире. Кого в то время могли интересовать маленькая, слабая Македония и ее царь, только за три года до этого незаконно захвативший там власть? Но впоследствии, когда имя Александра прогремело по всему свету, вокруг его рождения сложилось множество легенд. Рассказывали, что отцом Александра был не Филипп, а сам верховный греческий бог Зевс, который явился к Олимпиаде в образе змея. На крыше дома в Пелле, столице Македонии, в котором родился Александр, весь день сидели два орла. В ту самую ночь, в которую появился на свет будущий завоеватель Азии, сгорел знаменитый храм Артемиды в городе Эфесе в Малой Азии. Его будто бы поджег Герострат, который этим поступком хотел себя обессмертить. Пожар храма был истолкован таким образом, что он предвещал рождение человека, который со временем выжжет весь Восток своим пламенем.

✕ Первые годы жизни Александра протекали так, как это было в обычае при македонском дворе. Кормилицей его назначили Ланику, знатную македонянку. «Дядькой» его был родственник Олимпиады Леонид. Однако Филипп захотел дать сыну греческое образование. Поэтому в 343 г., когда Александру было 13 лет, воспитателем его был приглашен знаменитый греческий ученый и философ Аристотель. Правда, тогда Аристотель еще далеко не пользовался такой известностью, как впоследствии. В 343 г. он был еще относительно молод (ему было около 40 лет) и проживал в Малой Азии: сначала в городе Ассосе при дворе своего друга, атарнейского князька Гермия, на племяннице которого был женат, а впоследствии в городе Митилене на острове Лесбосе. Здесь он получил приглашение Филиппа.

Возможно, что на выбор Аристотеля в воспитатели Александру оказало влияние то обстоятельство, что Филипп находился в дипломатических отношениях с Гермием и тот рекомендовал ему Аристотеля. Известную роль здесь могло сыграть и то, что отец Аристотеля, Никомах,

когда-то служил придворным врачом у македонского царя Аминты, деда Александра. Как бы там ни было, но Аристотель принял приглашение и около трех лет прожил в маленьком македонском местечке Миэзе вместе со своим воспитанником. Филипп нарочно поселил сына на это время в тихую Миэзу, чтобы удалить его от шумной жизни столицы. Вместе с Александром жили и учились его друг Гепестион и другие представители македонской молодежи.

Трехлетнее пребывание с Аристотелем оказало сильное влияние на Александра. Сын Филиппа рос упрямым и своенравным мальчиком, доставляя не мало хлопот своим воспитателям. Уже в юности в характере Александра стали проявляться те черты, которые так ярко выступили в нем впоследствии: вспыльчивость, проявлявшаяся иногда в ярких вспышках гнева, когда Александр совершенно переставал владеть собой; смелость, часто доходившая до безрассудства, и настойчивость, иногда граничившая с упрямством. О молодом Александре впоследствии ходило много рассказов, в своем большинстве анекдотических. Из них можно привести один, повидимому, довольно правдоподобный.

Однажды Филиппу предложили купить коня по имени Букефал («с бычьей головой» — эта кличка была дана лошади за сходство ее морды с бычьей). Когда коня попытались объездить, это оказалось невозможным: он был такого свирепого нрава, что сбрасывал всякого, кто пытался на него сесть. От покупки решили отказаться. Александр, присутствовавший при этом, с досадой воскликнул: «Боги! какого коня теряют из-за трусости и неумения его объездить». Филипп рассердился и сказал: «Почему ты бранишь старших за то, чего сам не можешь сделать?» «Если ты позволишь, — ответил мальчик, — я его объезжу». Филипп и все окружающие рассмеялись. Было решено, что если Александр объедит лошадь, то она станет его собственностью, а деньги за нее заплатит Филипп; если же нет, то мальчик из своих личных средств должен будет заплатить за покупку. Филипп и придворные смотрели на все это, как на веселую шутку, но Александр смело подошел к Букефалу и начал с того, что повернул его головой к солнцу: он заметил, что лошадь пугается

собственной тени. Глядя коня по гриве, Александр неожиданно вскочил на него. Букефал в первое мгновение опешил от такой дерзости, но затем стал на дыбы и начал бить ногами, пытаясь сбросить мальчика. Однако Александр крепко на нем держался и затем с криком погнал лошадь по равнине. Филипп и придворные были в отчаянии, думая, что мальчик погиб. Но каковы были их изумление и радость, когда через некоторое время Александр вернулся на взмыленном и покорном Букефале! Филипп со слезами на глазах обнял сына и будто бы сказал: «Ищи себе другого царства, так как Македония для тебя тесна. . .» С тех пор Букефал стал неразлучным спутником Александра, делившим с ним все опасности войны.

Таков был юный Александр, необузданную натуру которого Аристотелю нужно было взять в твердые рамки греческого воспитания. И, повидимому, ему удалось достичь в этом отношении многого. Всеобъемлющий ум великого ученого, его огромные знания, его уравновешенность и спокойствие действовали на Александра. Аристотель сумел привить своему воспитаннику огромную любовь и уважение к греческой культуре. Это тем легче было сделать, что культурное влияние Греции на македонскую знать и раньше было довольно сильным. Любимыми героями Александра становятся Ахилл и Геракл. Оба они считались его предками: от Геракла вел свое происхождение македонский царствующий дом, от Ахилла — род Олимпиады. С этого времени Александр никогда не расставался с «Илиадой», всюду возя с собой экземпляр ее, подаренный ему Аристотелем и лично отредактированный ученым. Влиянию Аристотеля нужно приписать также любовь Александра к естественным наукам. Впоследствии, во время персидского похода, по его приказанию были собраны огромные естественно-научные коллекции и произведено обстоятельное изучение природы новых стран. Все это оказало большое влияние на дальнейшее развитие науки.

Труднее было Аристотелю справиться с бурным характером своего ученика. Но здесь на помощь ему пришла своеобразная двойственность природы Александра. В ней рядом с дикостью и страстностью уживались трезвость ума, расчетливость и практичность. В этом отношении характерен один рассказ из времен юности Александра.

Когда ему было семь лет, к македонскому двору прибыло несколько персидских эмигрантов, в числе их два грека. Малютка Александр с величайшим интересом стал расспрашивать изгнанников о персидском государстве: в каком состоянии находится там военное дело? храбры ли персы? во сколько дней можно доехать от Македонии до Суз? и т. д. Если даже этот рассказ и выдуман, то он прекрасно характеризует Александра: он мог задаваться грандиозными, иногда фантастическими планами, но в подготовке и осуществлении их проявлял величайшую осторожность и деловитость; он умел с огромным упорством добиваться намеченных целей, как бы высоки они ни были, но если видел, что реальная обстановка против него, что на его пути встанут действительно непреодолимые препятствия, умел вовремя отказаться от своего плана или видоизменить его в соответствии с новыми обстоятельствами.

Вот эти-то черты характера Александра и давали возможность Аристотелю влиять на него в желательном направлении. Аристотель старался воздействовать на рассудочную сторону натуры своего воспитанника, сдерживая таким путем его необузданную страстность. Три года пребывания с Аристотелем не могли не оказать в этом отношении влияния на Александра, дисциплинировать его в известной степени.

К сожалению, в 340 г., когда Александру исполнилось 16 лет, занятия его с Аристотелем были прерваны навсегда. Филипп находил, что его сыну пора приучаться к государственной деятельности, и, отправившись в продолжительный поход против города Византия, оставил Александра в качестве правителя государства, под руководством своего опытного и верного помощника Антипатра. За время этой первой попытки полусамостоятельной деятельности Александру пришлось выступить походом против одного из фракийских племен, поднявшего восстание против Македонии. Поход был удачен, фракийцы подавлены, а их укрепленный центр разрушен.

К этому времени Македония превратилась в самое сильное государство на Балканском полуострове. Реформы Филиппа, как мы указывали выше, дали ему возможность начать широкую завоевательную политику. К завоеваниям стремилась, главным образом, македонская знать, желав-

шая увеличить свои богатства путем грабежа соседних стран. Но и рядовая масса македонской пехоты, получавшая военное жалование и награды из добычи, также была заинтересована в войнах.

Задача завоевания Балканского полуострова облегчалась тем состоянием, в котором находилась Греция в середине IV в. до н. э. Она состояла из множества мелких самостоятельных государств, которые вели друг с другом непрерывные войны. Эти войны ослабляли их, так как вели за собой опустошение полей, истребление или увод в рабство населения и делали невозможным развитие ремесла и торговли. К этому надо прибавить особенности внутреннего строя греческих государств. Это были рабовладельческие государства, в которых вся хозяйственная жизнь основывалась на труде рабов. Однако, хотя эксплуатация рабов дала возможность греческим рабовладельцам создать высокую культуру, развить философию, науку, искусства, но этот же рабский труд в конце концов подорвал силы греческого общества. Это произошло потому, что более дешевый труд рабов вытеснил из производства свободный труд. Крестьянину и свободному ремесленнику было трудно тягаться с крупными рабовладельцами, у которых были десятки и сотни рабов, работавших в мастерских и на полях. Свободный труд не окупал себя, крестьяне и мелкие ремесленники разорялись, превращались в бедняков, которые старались найти себе, хотя какую-нибудь работу. Однако это была тщетная надежда, так как в ремесле и сельском хозяйстве работали рабы, и свободному рабочему почти невозможно было найти себе заработок. Массы нищего и голодного люда скоплялись в греческих городах и поднимали восстания против богачей, привлекая на свою сторону рабов. Уже слышны были отдаленные раскаты грома той революционной грозы, которая позднее разразилась над всем древним миром.

Такое положение вещей не могло не тревожить рабовладельцев, которые старались подкупить и задобрить неимущую городскую толпу путем бесплатных раздач хлеба, денег, театральных билетов и т. п. Но это мало помогало, так как раздачи привлекали в города новые толпы безработного люда, требовательность которого все возрастала.

Превращение свободных крестьян и ремесленников в массу нищего и безработного пролетариата (так называемого «люмпен-пролетариата») имело еще одно отрицательное следствие для греческих государств: оно привело к упадку их военной силы. В V в. войска греческих рабовладельческих государств состояли из ополчений всех свободных граждан, в которых главную массу воинов составляли именно крестьяне и ремесленники. Исчезновение этих последних в IV в. сделало невозможным нормальное пополнение армии и заставило греческие государства прибегнуть к системе наемных войск. При этой системе воины набирались из рядов того же люмпен-пролетариата и служили за плату. Такие наемные войска отличались большой опытностью в военном деле и высокими боевыми качествами, но они были готовы служить всякому, кто им хорошо платил.

Таким образом греческое рабовладельческое общество в середине IV в. переживало глубокий кризис. Некоторые греческие политики пытались найти выход из этого кризиса. Таким выходом им казалось образование в Греции сильной монархической власти, которая объединила бы греческие государства, прекратила бы между ними войны и положила бы конец восстаниям бедноты и рабов. Объединенная Греция, думали они, легко могла бы завоевать окружающие страны, захватить новые территории, завладеть рынками, а это положило бы конец кризису.

Как раз в это время Филипп, захвативший власть в Македонии и создавший сильное войско, начал завоевание северной части Балканского полуострова. Ему удалось значительно расширить границы своего царства за счет иллирийских и фракийских племен и вытеснить греков из приморской полосы Македонии. Следующим шагом был захват Филиппом Фессалии и фракийского побережья, занятого греческими колониями. Слабая Греция, раздираемая войнами и внутренней борьбой, оказалась не в силах дать отпор Филиппу и была вынуждена признать все его завоевания. Мало этого. Успехи македонского царя привели к тому, что в Греции образовалась сильная группа сторонников македонского вмешательства в греческие дела. Эта группа состояла, главным образом, из богатых рабовладельцев, увидевших в Филиппе того сильного монарха, который сможет, объединив Грецию, вывести ее из кризиса

и обезопасить их от потери имущества, задавив революционную борьбу. Поддержка этой македонской партии облегчила Филиппу его дальнейшие успехи в Греции.

Правда, не все греки являлись сторонниками Македонии. Наряду с македонской партией образовалась антимакедонская. Она отражала интересы, главным образом, тех торговцев и промышленников-рабовладельцев, которые вели торговлю с северным побережьем Эгейского моря и с Понтом (теперь Черное море) и которым именно поэтому больше всего угрожали завоевания Филиппа. Кроме этого антимакедонскую партию поддерживали беднейшие слои греческого населения, которым установление власти Филиппа над Грецией угрожало потерей демократического строя и прекращением раздач. Они стояли за старый демократический строй Афин и мечтали о восстановлении их былого могущества.

Вождем антимакедонской партии был величайший оратор древнего мира, афинянин Демосфен.

Постоянные войны между греческими государствами служили Филиппу прекрасным поводом для вмешательства в дела Греции. Враждующие стороны сами призывали на помощь македонские войска, и Филипп пользовался каждым таким случаем, чтобы укрепиться в Греции. В начале 30-х годов IV в. ему удалось занять войсками прекрасные позиции около города Элатей в Фокиде, области средней Греции. Эти позиции давали ему возможность господствовать в военном отношении над значительной частью Греции.

Успехи Филиппа испугали греческие государства и привели к огромному усилению антимакедонской партии. Несколько наиболее крупных государств Греции — Афины, Фивы, Коринф и др. — заключили союз против Македонии. В августе 338 г. близ города Херонеи в Беотии произошла решительная битва. Силы противников были равны — на каждой стороне приблизительно по 30 000 человек, — но закаленная в боях армия Филиппа по качеству значительно превышала войска союзников. Эти последние в большинстве состояли из гражданского ополчения, частично — из наемников.

Филипп поставил ударную группу на своем левом фланге против правого, наиболее сильного крыла противника.

Этой группой, состоявшей из тяжелой конницы, командовал восемнадцатилетний Александр. При нем, вероятно, находилось несколько опытных полководцев, которые им руководили, но самый факт показывает, насколько Филипп доверял своему сыну, поручив ему командование наиболее важной частью операции. Сам Филипп находился на правом фланге. После упорного и кровопролитного боя македонская конница прорвала правое крыло греков. В это время правый фланг македонян вынужден был медленно отходить под натиском левого крыла союзников, состоявшего из афинян. Но когда Александр снял правый фланг противника, обратился в бегство и центр греческой армии. . . Македонская конница могла теперь ударить в тыл афинянам, увлекшимся наступлением и не обращавшим никакого внимания на то, что происходило в других местах поля сражения.

(Победа Филиппа была полная. О дальнейшем сопротивлении едва ли можно было думать. Греция покорно приняла те условия мира, которые продиктовал ей победитель.)

Впрочем, Филипп оказался довольно умеренным в своих требованиях. Он был реальным политиком и не собирался чрезмерно раздражать греков. Не в его интересах было создавать себе врага в Греции.

(В конце 338 г. Филипп собрал в Коринфе съезд представителей всех греческих государств (кроме Спарты), на котором были заложены основы нового устройства Греции и определены ее взаимоотношения с Македонией. Все греческие государства объявлялись свободными и независимыми, в каждом оставался тот строй, который существовал в данный момент. Впредь запрещались всякие внутренние перевороты, особенно при помощи рабов, изгнания и конфискации имущества. В Греции провозглашались всеобщий мир и свобода мореплавания. Греческие государства вступили в союз, во главе которого должен был стать союзный совет из представителей отдельных государств. Между этой общегреческой федерацией и Македонией в свою очередь заключался военный — оборонительный и наступательный — союз. Верховное командование союзными силами поручалось Филиппу. В следующем году в Коринфе же на заседании союзного совета решена была война с Персией (о Персии см. ниже) и установлено, какие военные силы

для этой цели греческие государства должны выставить и присоединить к македонским войскам.

Таким образом, надежды македонской партии, казалось, осуществились. Греция была объединена, умиротворена, а предстоящая война на Востоке сулила обогащение и выход из кризиса. Весной 336 г. авангард греко-македонской армии в 10 000 человек под начальством лучшего македонского полководца Пармениона и родственника Филиппа Аттала, перешел Геллеспонт (теперь Дарданеллы) и вступил в Малую Азию, принадлежавшую Персии.

ГЛАВА II

УБИЙСТВО ФИЛИППА И ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

До 337 г. между отцом и сыном были прекрасные отношения. Мы видели, сколько забот уделял Филипп воспитанию наследника престола и как рано стал он приучать его к военному делу и управлению государством. Но в 337 г. отношения резко изменились. Филипп страстно влюбился в Клеопатру, молодую девушку из знатного македонского рода, племянницу Аттала. Так как ему, очевидно, не удалось сделать ее простой любовницей, то он решил вступить с ней в брак официально. Хотя измены Филиппа были довольно частым явлением, и Олимпиада, повидимому, не придавала им слишком большого значения, но случай с Клеопатрой был совершенно исключительным. Теперь речь шла о «законном» браке. Если бы у Клеопатры родился сын, то он стал бы таким же «законным» наследником престола, как и Александр. Вполне понятно, что новый брак Филиппа привел к разрыву его не только с Олимпиадой, но и с Александром.

Тем не менее Александр присутствовал на свадебных торжествах, происходивших поздней осенью 337 г. На пиру разыгралась дикая сцена. Дядя новобрачной Аттал, очевидно, сильно подвыпивший, обратился к гостям с предложением молить богов, чтобы они даровали Филиппу от Клеопатры законного наследника. Здесь либо был намек на какие-то слухи о неверности Олимпиады, либо Аттал захотел уколоть Александра, напомнив ему, что его мать была иностранкой (Олимпиада принадлежала к эпирскому царскому роду). Александр пришел в ярость и швыр-

нул в Аттала кубок, воскликнув: «А меня, негодяй, ты считаешь незаконорожденным?» Филипп, тоже пьяный, поднялся со своего ложа, выхватил меч и, шатаясь, сделал несколько шагов по направлению к сыну, но споткнулся и упал. Александр иронически сказал: «Смотрите, он собирается в Азию, а сам не может пройти от ложа к ложу». Присутствующие растащили отца с сыном.

Немедленно же после этой ссоры Александр и Олимпиада уехали из Македонии. Александр отвез мать в Эпир к ее брату, эпирскому царю Александру, а сам отправился в Иллирию. Однако вскоре между отцом и сыном произошло внешнее примирение благодаря посредству некоего коринфянина Демарата, друга царского дома. Александр вернулся в Македонию, но Олимпиада осталась в Эпире.

Нарушенные отношения уже не могли полностью восстановиться. Произошла новая ссора между Филиппом и Александром, правда, на этот раз менее серьезная, и виновником ее всецело был Александр. Филипп, во всяком случае, прилагал много стараний, чтобы улучшить отношения даже с Олимпиадой. В начале 336 г. он стал готовить брак между своей дочерью от Олимпиады, Клеопатрой, и братом Олимпиады Александром Эпирским. Этот брак, по предположению Филиппа, должен был, если не восстановить прежние отношения с Олимпиадой, то, во всяком случае, значительно их смягчить.

Подготовка брака развивалась успешно, и поздним летом 336 г. в Эгах, старой столице Македонии, уже происходили свадебные торжества. Здесь-то и разразилась загадочная катастрофа. В то время, когда Филипп шел в театр, один из эго этеров, Павсаний, смертельно ранил царя кинжалом. Некоторые наши источники говорят, что причиной убийства была обида, нанесенная Павсанию Атталом. Не добившись от Филиппа наказания обидчика, Павсаний якобы решил убить самого царя. Но другие источники идут дальше и утверждают, что Павсаний был только простым исполнителем чужой воли, а за его спиной стояли другие. Кто же были эти другие?

Сильное подозрение, повидимому, падает на Олимпиаду и Александра. Действительно, обстановка при македонском дворе весь последний год была такова, что эти подозрения кажутся обоснованными. Некоторые историки

утверждают, что Олимпиада и Александр знали о готовящемся заговоре и не помешали ему. Олимпиада же, якобы, даже пыталась помочь бегству Павсания. Однако все эти обвинения основаны на слухах и сплетнях, ходивших в греко-македонском обществе. Ни одного факта, который подтвердил бы причастность матери и сына к убийству, в нашем распоряжении нет. Напротив, все данные говорят за то, что как раз ко времени убийства напряженная атмосфера при дворе сильно разрядилась. Филипп, несомненно, не собирался лишать сына прав на престол, что могло бы явиться главным мотивом для участия Олимпиады и Александра в заговоре. Много любят говорить о «демонической» натуре Олимпиады, которая, якобы, мстила Филиппу за измену. Действительно, мать Александра была женщина чрезвычайно властная, жестокая и мстительная. Почему же она прощала мужу десятки измен до Клеопатры? Только потому, что прежние любовницы Филиппа были простые «наложницы» и лишь Клеопатра удостоилась звания «законной» супруги? Но обычай македонского двора и привычки самого царя были таковы, что провести грань между «законными» и «незаконными» женами почти невозможно. Характерно, что, женившись на Клеопатре, Филипп, повидимому, не дал официального «развода» Олимпиаде и, как мы видели, позднее пытался примириться с ней, — и не без успеха. Таким образом, даже по отношению к Олимпиаде обвинения не имеют под собой никакой твердой почвы. Тем с большим основанием можно сказать это об Александре.

Тем не менее, заговор против Филиппа несомненно существовал. Павсаний действовал не один, и его личные мотивы, если таковые действительно были, играли роль только повода к убийству. Источники прямо указывают, что соучастниками Павсания являлись три брата — Аррабей, Геромен и Александр — родом из Линкестиды, области Верхней Македонии. Двое из них — Аррабей и Геромен — были арестованы сейчас же после убийства Филиппа (Павсания заколола царская стража), а третьего брата помиловали, так как он немедленно признал власть Александра. Однако несколько лет спустя он оказался замешанным в новом заговоре и тогда был казнен. Судя по всем данным, три брата линкестийца принадлежали к кня-

жескому роду Верхней Македонии, который был лишен политической власти Филиппом. Это объясняет нам, почему они стали участниками заговора. В их лице выступила старая родовая знать Македонии, желавшая свести счеты с Филиппом и ценой его смерти надеявшаяся восстановить свою прежнюю независимость. Александр был молод, и заговорщики не сомневались, что ему не удастся справиться с трудностями создавшегося положения.

Но в заговоре, повидимому, участвовала и Персия. Персидскому правительству было крайне важно создать внутренние затруднения в Македонии и таким путем сделать невозможным или, по крайней мере, отодвинуть на неопределенное время восточный поход. Правда, у нас нет иных доказательств участия Персии в заговоре, кроме письма Александра к царю Дарию III. Это письмо было послано позднее, уже во время похода, когда персидский царь предлагал Александру заключить мир. В нем Александр бросает прямое обвинение персам, что они подкупили убийцу его отца. Правильность этого обвинения можно, конечно, оспаривать, но, с другой стороны, мы знаем, что персидская дипломатия прибегала к подкупу антимакедонской партии в Афинах: Демосфен получил очень крупную сумму денег на поддержку антимакедонского движения. Весьма возможно, что персы и в Македонии поддерживали элементы, враждебные Филиппу.

Как бы там ни было, но смерть отца поставила Александра перед лицом огромных затруднений. В Македонии существовал заговор старой знати, и была несомненная опасность, что заговорщики попытаются любой ценой устранить Александра и передать власть кому-нибудь из своей среды. Еще вероятнее, что они собирались провозгласить царем племянника Филиппа, Аминту, свергнутого своим дядей и опекуном в 359 г. (Аминта был тогда оставлен в живых). Убийство Филиппа вызвало страшную панику при дворе. К счастью для Александра, огромная часть придворных, высший командный состав армии да и сама армия в целом оказались на его стороне и не поддерживали заговорщиков: Антипатр, старый и испытанный полководец Александра, и сын Пармениона Филота (сам Парменион, как мы знаем, в это время находился в Малой

Азии) не растерялись и среди всеобщей сумятицы провели Александра в театр, где он и был провозглашен царем.

Сейчас же начались аресты и казни заговорщиков и вообще всех лиц, представлявших опасность для новой власти. Были казнены два брата линкестийцы, Аминта, сводный брат Александра Каран. Позднее были убиты Клеопатра, ее малютка-дочь от Филиппа и брат Гиппострат. Много представителей старой знати бежало из Македонии в Персию. Опаснее всего для Александра был дядя Клеопатры Аттал. Вместе с Парменионом он в это время командовал авангардом македонской армии в Малой Азии. Узнав о событиях, разыгравшихся в Эгах, Аттал попытался поднять восстание в армии против Александра и вступил в сношения с Демосфеном. Возможно также, что он установил дружественный контакт и с персидским командованием. Положение для Александра было тем опаснее, что Аттал пользовался большой популярностью в армии и мог легко увлечь ее за собой. Но в конце концов от него удалось избавиться довольно простым способом: Александр отправил в Малую Азию одного преданного ему командира, Гекатея, который при содействии Пармениона убил Аттала и затем успокоил армию.

Известие об убийстве Филиппа вызвало сильное возбуждение в Греции. Первым узнал о нем Демосфен. Одетый по-праздничному, с венком на голове, он явился в заседание афинского государственного совета и поздравил греков с радостной вестью. Александра он презрительно назвал «дурачком», прибавив, что тот не посмеет теперь выбраться из Македонии. По предложению Демосфена совет принес благодарственную жертву богам и декретировал почетное постановление в память Павсания.

Антимакедонская партия в Греции подняла голову. Во многих государствах демократия стала подготавливать восстание против Македонии. В Афинах делались большие военные приготовления. Демосфен вступил в сношения с Атталом и с персами.

Александр был хорошо осведомлен о том, что происходило в Греции. Сознывая всю необходимость удержать ее в повиновении, он решил временно отложить подготавливавшийся им поход на север и сначала успокоить Грецию. Во главе своих войск он быстро вторгся в Фессалию. Там было

попытались организовать сопротивление. Фессалийские отряды заняли узкое Темпейское ущелье, по которому между горами Олимпом и Оссою течет река Пеней. Но Александр приказал прорубить ступеньки в отвесных скалах Оссы и обошел теснину. Фессалия была вынуждена покориться.

Затем настала очередь Греции. Прежде чем там вспыхнуло серьезное движение, македонские войска были уже в средней Греции и расположились лагерем в самом центре ее, недалеко от Фив. Это произвело нужное впечатление. Весь воинственный пыл греческой демократии исчез. Афины отправили посольство к Александру, умоляя о прощении. Царь вовсе не собирался прибегать к крутым мерам, — тем более по отношению к Афинам, культуру которых он глубоко уважал. Поэтому он удовлетворился выражением покорности.

Александр хотел восстановить по отношению Греции то положение вещей, которое существовало при его отце: Греческие государства получили приказ прислать представителей в Коринф, где, таким образом, снова собрался общегреческий съезд. На нем были подтверждены решения 338/337 г.: восстановлен союз с македонским царем и Александр признан верховным вождем греко-македонских сил в войне с Персией. Он мог теперь спокойно вернуться в Македонию (зима 336/335 г.).

Этот первый крупный поход двадцатилетнего Александра уже показал все качества будущего великого полководца и государственного деятеля: способность учитывать политическую и стратегическую обстановку и тщательно готовить все свои мероприятия; необычайная стремительность передвижений, сбивающая с толку противника; твердость в достижении намеченных целей и, вместе с тем, необходимая гибкость, умение уступить там, где этого требует реальная обстановка.

Но еще в большей степени эти качества Александра развернулись в походе следующего года.

ГЛАВА III

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД И ФИВАНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Весной 335 г. Александр двинулся в большой северный поход. Весть о смерти Филиппа оказала влияние и на

«варваров», населявших север Балканского полуострова. Они готовились вторгнуться в Македонию. Александр прежде всего направился против фракийского племени трибаллов, живших между Балканскими горами и Дунаем. Трибаллы заняли проход через горы (быть может, это была Шипка), укрепив его своими тяжелыми повозками. Когда македоняне стали подниматься вверх, неприятель пустил на них множество повозок. Но Александр предвидел эту хитрость. Воинам заранее было приказано при приближении повозок или расступаться в стороны, или ложиться на землю сомкнутыми рядами, укрывшись сверху щитами. Таким путем македонянам удалось без всяких потерь выдержать эту своеобразную и страшную атаку. После этого они с боем форсировали проход и очутились по ту сторону хребта.

Трибаллы отправили женщин и детей на скалистый остров на Дунае. Хотя в распоряжении Александра были крупные военные суда, заранее присланные из союзного Византия, но взять остров, благодаря его неприступным берегам, не удалось. По ту сторону Дуная жило племя гетов. Александр решил переправиться через реку. Отчасти это было вызвано военными соображениями: нужно было оказать на гетов соответствующее воздействие и таким путем закрепить новую северную границу государства. Главным же образом переход через Дунай должен был удовлетворить ту жажду приключений, то стремление ко всему новому и неизвестному, что являлось одной из наиболее ярких черт в характере Александра.

Для переправы использовали как большие византийские суда, так и легкие челноки местных жителей. Ночью, в полной тишине, на ту сторону реки переправили 4000 пехоты и 1500 всадников. Пораженные изумлением и страхом геты бежали. Македоняне захватили и сожгли их укрепленное поселение, а затем вернулись на правый берег реки. Все это оказало такое впечатление на окрестные племена, что трибаллы подчинились Александру, а жившие на верхнем Дунае кельты прислали к нему послов с предложением мира и союза.

Вернуться домой Александр решил западным путем, через Пеонию, область, лежавшую к северу от Македонии. По дороге македонские войска попали в трудное положение

ние. Иллирийцы захватили пограничное укрепление Пелион, лежавшее в Верхней Македонии. Быстрым маршем Александр подошел к крепости, собираясь ее осадить. Но в этот момент в тылу у него очутились другие иллирийские племена. От осады пришлось отказаться и двинуться против нового врага. Только высокие боевые качества македонской армии и искусное командование Александра спасли положение: иллирийцы были разбиты и оставили Пелион.

В это время в Греции разыгрались важные события. Продолжительное отсутствие Александра из Македонии порождало различные слухи. Нашелся человек, утверждавший, что он собственными глазами видел македонское войско окруженным трибаллами, а Александра раненым. Эти слухи распускались антимакедонской партией при содействии персидских агентов. Персия продолжала свои попытки создать внутренние затруднения для Александра, и как раз в это время Демосфен получил от персидского царя крупную сумму в 300 талантов (около 720 000 руб.).

Открытое движение началось раньше всего в Фивах, где находился македонский гарнизон, оставленный там еще Филиппом. Изгнанные фиванские демократы вернулись в город и повели энергичную агитацию за восстание. Толпа напала на нескольких македонских командиров и убила их. Это послужило сигналом к восстанию. Македонский гарнизон был осажден в Кадмее, фиванском кремле. Однако надежды фиванцев на поддержку греческих государств оправдались только отчасти. Афины официально заняли выжидательное положение, хотя Демосфен на деньги, полученные от персидского царя, снабжал восставших оружием. Только два-три второстепенных государства послали войска на помощь Фивам.

Известие об этих событиях застало Александра в то время, когда он только что разбил иллирийцев под Пелионом. Не теряя ни секунды, он быстро двинулся на юг, и уже через 13 дней его армия очутилась под стенами Фив. Фиванцы не хотели верить собственным глазам, считая Александра давно погибшим. Однако трудно было спорить с фактами. Александр не хотел сразу прибегать к насильственным мерам. Его политика в Греции, как и политика его отца, была чрезвычайно мягкой. Поэтому он объявил фиванцам, что простит их, если они немедленно

выдадут главарей движения. Но фиванская демократия окончательно потеряла голову и на мирные предложения царя ответила вызывающим отказом.

Военные действия начались. Александр окружил город со всех сторон, но главный удар направил на южный сектор фиванских укреплений. Осажденные сделали вылазку. Передовые македонские войска были обращены ими в бегство. Но когда в дело вступили главные силы под командой самого Александра, фиванцы после отчаянного сопротивления были разбиты и бросились обратно в город. В страшной суматохе не успели закрыть ворота, и македоняне ворвались в Фивы. В этот момент и македонский гарнизон из Кадмеи присоединился к нападающим, и на улицах началась страшная резня. . .

Александр собрал союзный совет, чтобы решить, как поступить с мятежным городом. Он хотел соблюсти «законную» форму, хотя, конечно, мог поступить в этом вопросе совершенно самостоятельно. Совет, где в большинстве заседали старые враги Фив, вынес следующее решение: город должен быть разрушен до основания, его владения разделены между соседними государствами, а пленные, женщины и дети, проданы в рабство. Александр утвердил это решение. С его точки зрения было необходимо показать пример строгости, чтобы навсегда отбить у греческой демократии охоту играть в оппозицию.

Фиванская катастрофа произвела страшное впечатление на всю Грецию. Антимакедонское движение мгновенно прекратилось. Афины отправили к Александру посольство с поздравлением по случаю благополучного возвращения с севера и наказания мятежников. Царь потребовал выдачи вождей демократии, в частности Демосфена. Тогда Афины отправили новое посольство во главе с представителями македонской партии, которое умолило Александра взять свое требование обратно. Он удовлетворился тем, что из Афин был изгнан один из его главных врагов, стратег Харидем.

Все эти события произошли осенью 335 г. Александр, оставив в некоторых греческих городах македонские гарнизоны, вернулся в Македонию и стал готовиться к персидскому походу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

ГЛАВА IV

ПЕРСИЯ В СЕРЕДИНЕ IV В. ДО Н. Э. НАЧАЛО ВОСТОЧНОГО ПОХОДА

Что представляла собою в это время Персия? Персидская мировая держава, простиравшаяся от Малой Азии до Индии, сложилась окончательно еще в VI в. до н. э. при царях Кире и Дарии. Она объединила старые богатые и культурные государства Древнего Востока — Египет, Вавилонию, Финикию и др. под властью маленького, но воинственного племени персов. Все государство было разделено на отдельные области, сатрапии, в которых правили сатрапы, наместники персидского царя. Хотя древние персы были племенем отсталым по сравнению с завоеванными ими культурными народами Востока, однако первое время персидское завоевание имело положительное значение для исторического развития Востока. В рамках единого государства шире развернулись торговля и культурные связи. Персы установили одну общую монетную систему, что содействовало оживлению хозяйственной жизни. Были проведены хорошие дороги, связавшие друг с другом отдаленные части огромного государства. В начале V в. персы сделали попытку подчинить европейскую Грецию (греческие города Малой Азии уже с VI в. находились под персидской властью). Начались греко-персидские войны, продолжавшиеся с 492 по 449 г. Однако маленькие греческие государства нашли в себе достаточно сил дать отпор персидским вторжениям. Три похода против Греции (492, 490 и 480—479 гг.) кончились для персов полной неудачей, хотя и разорили часть Греции. После этого греки сами перешли в наступление и очистили от персов острова Эгейского моря и побережье Малой Азии.

Поражение в греко-персидских войнах явилось переломным моментом в истории Древней Персии. Ее наступательное движение на Запад было остановлено. Отброшенная от Эгейского моря и от проливов, ведущих в Черное море (Понт), Персия тем самым была устранена от оживленной хозяйственной жизни, кипевшей в этих районах в V в. Правда, в начале IV в., благодаря внутренним раздорам в Греции, Персии снова удалось получить малоазиатское побережье. Но это уже не имело для нее большого значения, так как Греция в этот период вступила в полосу глубокого кризиса. С другой стороны, в самом персидском государстве в IV в. начался развал. Гнет персидской правящей верхушки все сильнее давил на покоренные народы. Персидское управление в большей части Персии все больше и больше сводилось только к сбору дани и подавлению восстаний. Сатрапы местами превратились в почти самостоятельных правителей, не считавшихся с центральной властью. Произвол и вымогательства персидских чиновников вызывали в отдельных частях персидского государства восстания, подавлявшиеся со страшной жестокостью. При дворе персидских царей кипела борьба придворных клик, процветали интриги, шла кровавая борьба за власть. В 336 г. на персидский престол вступил Дарий III Кодоман, происходивший из боковой линии царствовавшей в Персии династии Ахеменидов.

Персидская армия была количественно очень велика. Ее лучшую часть составляли около 20 000 греческих наемников и царская гвардия. Но главная масса войск состояла из многочисленных отрядов, которые должны были составлять отдельные сатрапы. Высокими качествами отличалась персидская конница из восточных сатрапий — Парфии, Бактрии и др. В распоряжении персидского царя находился также многочисленный флот, но это был собственно не персидский флот, а финикийский. Такая разнородность персидской армии составляла ее самую слабую сторону. В ней отсутствовала прочная связь между отдельными частями, не было того тесного взаимодействия, которым отличалась македонская армия. Невысоко стояло и персидское командование. Лучшими полководцами были стратеги греческих наемников, но они враждовали с пер-

сидскими начальниками, и это лишало командование нужного единства.

Греки были хорошо знакомы с состоянием персидской армии. Помимо того, что на протяжении почти двух столетий они находились с персами в непрерывном соприкосновении, помимо того, что на персидской службе находились многочисленные греческие наемники, — греческая история хранила память об одном походе, который как бы предварял в меньшем масштабе поход Александра. В 401 г. брат персидского царя Артаксеркса, Кир Младший, набрав в Греции около 10 000 греческих наемников и присоединив к ним местные войска из Малой Азии, двинулся против старшего брата, чтобы отнять у него трон. Войска Кира дошли почти до самого Вавилона. Здесь их встретила армия Артаксеркса. В происшедшей битве Кир был убит, его малоазиатские войска бежали, но греки успешно отразили все атаки персов. Персидское командование пригласило греческих стратегов для переговоров. Во время переговоров греки были вероломно убиты, и наемники остались без командиров. Однако они не растерялись. Немедленно были выбраны новые командиры, и маленький отряд стал в полном порядке отступать вдоль реки Тигра на север под натиском превосходящих сил персов. Долго длилось трудное и опасное отступление по незнакомым местам, все время под ударами противника. В конце концов греки, пройдя через Армению, в 400 г. вышли к Черному морю около Трапезунта и оттуда вернулись на родину. Славный поход 10 000 описал участник его, греческий историк Ксенофонт, в произведении «Анабасис». Уроки похода были хорошо учтены Александром. Из них вытекало, что маленькое, но хорошо дисциплинированное греческое войско может проникнуть в самую глубь Персии и благополучно вернуться обратно.

Зима 335/334 г. была использована Александром для тщательной подготовки к великому походу, и ранней весной 334 г. македоно-греческая армия выступила из города Амфиполя по направлению к Геллеспонту. В Македонии был оставлен Антипатр с 12 000 пехоты и 1500 всадников. Сохранение спокойствия в тылу являлось одним из важнейших условий успеха всего предприятия, — вот почему Александр уделил из своих сравнительно небольших

военных сил такую крупную часть для Антипатра. А силы, двинутые им против Персии, были, действительно, не слишком велики. В распоряжении македонского командования в момент выступления в поход находилось в общей сложности около 30 000 пехоты, 5 000 конницы и около 160 военных судов. Ядро войска составляли тяжелая конница и пехота. Собственно македонской конницы было около 2 000 всадников (8 ил), но к ней присоединялась также фессалийская конница (около 1 800 всадников), по своим качествам не уступавшая македонской. Тяжелая македонская пехота (фаланга) состояла из 6 таксисов, т. е. в общей сложности около 9 000 человек. Гипаспистов было приблизительно 3 000 человек. Кроме них легкая пехота насчитывала 6 000—7 000 фракийцев и иллирийцев. Эти же племена дали Александру несколько отрядов легкой кавалерии.

В состав армии входило также 7 000 греческой пехоты, выставленной членами союза, и 5 000 наемников. Впрочем, Александр не очень доверял своим греческим союзникам. Поэтому он почти не пользовался ими в бою, применяя их главным образом для гарнизонной службы в захваченных местностях, для охраны дорог и т. п.

Однако небольшой, сравнительно, количественный состав македонских войск возмещался их высокими боевыми качествами. Можно смело сказать, что древний мир еще не знал подобной армии. Те силы, которые мог выставить против Македонии Дарий III, хотя и значительно превосходили их числом, но далеко уступали им в смысле организованности и опытности. К тому же македонская армия превосходила персов и своей техникой. Александр широко использовал технические завоевания IV в. При армии находился инженерный обоз с различными осадными приспособлениями и кадры опытных инженеров и саперов. Для переправы через реки употреблялись понтонные мосты, при осаде крепостей — тараны, штурмовые башни и т. п.

Здесь нужно отметить еще одну интересную черту. Приготовляясь к восточному походу, Александр отдавал себе ясный отчет в том, что это будет не простой военный набег. Он собирался завоевать Азию, завоевать ее прочно и не только силой оружия. Конечно, в 334 г. юный Александр еще не мог предвидеть, как далеко пойдет это за-

воевание. Мысль о «мировой» монархии и планы ее организации, повидимому, сложились позднее, во время самого похода. Но тем не менее уже сейчас ученик Аристотеля понимал огромное культурное значение похода и для Востока и для Греции. При его «штабе» находился целый отряд «землемеров» (бематистов), игравших роль наших топографов. В свите Александра было много греческих ученых и философов. Из них нужно отметить историков Каллисфена (племянника Аристотеля) и Аристубула, философов Пиррона и Анаксарха, а также многих географов и ботаников, собиравших и отправлявших Аристотелю различные научные коллекции. В канцелярии Александра, под руководством ее начальника Эвмена, велся подробный дневник похода, который послужил главным материалом для позднейших историков этой эпохи.

Таким образом, в подготовке восточного похода в полной мере сказалась та черта Александра, о которой мы упоминали выше: стремление самым деловым образом подготовить все свои предприятия, как бы грандиозны они ни были. Впрочем, в организации похода было два слабых места: флот и финансы. Но здесь Александр ничего не мог поделать. Его флот, как мы видели, состоял только из 160 судов, в то время как флот Дария насчитывал не менее 400 боевых единиц. Да притом персидский флот состоял, главным образом, из высококачественных финикийских судов. В плохом состоянии находились и финансы Александра. В его казне было только 70 талантов (около 170 000 руб.), а долг равнялся 1300 талантов. Однако не нужно забывать, что при тогдашней системе снабжения армия кормилась за счет населения захваченных областей и, следовательно, ей не нужны были большие запасы продовольствия. Александр шел завоевывать богатый Восток, о сокровищах которого в обществе ходили легенды. Однако македонское командование основывало свои сведения о Персии не на этих легендах, а на более точной информации, и прекрасно знало, что персидский царь действительно очень богат. Следовательно, в случае успеха похода денежный вопрос решался сам собой.

А неуспеха Александр не допускал. Он был твердо, фанатически уверен в успехе. Эта воля к победе македонского полководца заражала все его войско и являлась

одним из важнейших условий победоносного завершения грандиозного предприятия.

ГЛАВА V

ГРАНИК

В апреле 334 г. войска Александра, двигаясь вдоль фракийского побережья, подошли к Геллеспонту. К этому времени авангард македонской армии, посланный еще в 336 г. Филиппом в Малую Азию, с трудом удерживал подступы к проливу. После первых блестящих успехов Пармениона (он продвинулся за город Эфес) македоняне должны были под натиском персов отступить на север. Обстановка, создававшаяся в Македонии в связи с убийством Филиппа, изменнические действия Аттала — все это понижало боеспособность малоазиатских войск. К тому же Парменион зимой 335/334 г. был отозван в Македонию, чтобы помочь царю в подготовке к походу.

Персидское правительство начало кампанию с крупнейшей ошибки, оставив пролив свободным. При огромном превосходстве персидского флота своевременное занятие им Геллеспонта сделало бы невозможным переправу македонских войск на азиатский берег. Однако флот Дария появился в водах Эгейского моря лишь несколько месяцев спустя. Мы не знаем, чем была вызвана эта ошибка. Повидимому, здесь сказались неповоротливость персидского правительственного механизма, и флот просто опоздал.

Переправа македонской армии происходила около маленького городка Сеста, лежавшего на европейском берегу. Для переправы были использованы как военный флот Александра, так и торговые суда. Операция под руководством Пармениона прошла совершенно благополучно.

В это время сам Александр с маленькой свитой выехал на судне в море и разыграл там театральную сцену. Стремление к театральности, к показной эффектности лежало в натуре Александра. К тому же здесь сказывался и сознательный политический расчет: все слова и поступки царя должны были подействовать на окружающих, убедить их, что в его лице они имеют дело не с обыкно-

венным человеком. Выехав в устье пролива, Александр принес жертву морским божествам, а затем направился к тому месту азиатского побережья, где некогда лежала Троя. Приблизившись к берегу, он метнул в него копье, первый выпрыгнул на землю и воскликнул, что с помощью богов хочет покорить Азию. Затем отправился на место Трои.

Здесь снова Александр разыграл несколько эффектных сцен, которые должны были показать, как глубоко чтит он героев троянской войны и, в частности, своего «предка» Ахилла. Он возложил венок на предполагаемый могильный холм Ахилла, а его друг Гестифион сделал то же на могиле Патрокла. После этого Александр присоединился к своему войску, успевшему тем временем высадиться в городе Абидосе, на азиатском берегу.

В этот момент персидские войска стояли около города Зелеи, в 100 км к востоку от места переправы. Здесь были, главным образом, конные войска малоазиатских сатрапов и несколько тысяч греческих наемников под командой родосца Мемнона, очень талантливый и опытный полководец. Источники называют 20 000 всадников и 20 000 наемников, но, повидимому, эти цифры не точны. Греков было меньше, так как часть их стояла гарнизоном в малоазиатских городах, да и ход сражения при Гранике показывает, что цифра 20 000 мало вероятна. Зато в составе персидских войск несомненно находилось некоторое количество пехоты, о которой источники умалчивают.

Мемнон советовал персидскому командованию не принимать боя с Александром в виду превосходства македонской пехоты, а отступить вглубь Малой Азии, все уничтожая на своем пути. Тогда, говорил он, Александр сам не сможет остаться здесь, благодаря недостатку продовольствия. А в это время нужно перенести войну в Европу, послав флот к берегам Греции и подняв греков на борьбу против Македонии. План Мемнона был очень хорош, но персидские сатрапы его не приняли. Во-первых, они, повидимому, не доверяли греку Мемнону, самое же главное, — не желали отдавать на разорение Малую Азию. Арсит, один из сатрапов, заявил на военном совете, что он не позволит своим людям сжечь ни одного дома. Персы совершенно недооценивали македонской армии и были

твердо убеждены, что в первом же сражении им удастся убить Александра и тем самым прекратить войну. Было решено дать бой немедленно.

Персидские войска двинулись на запад и заняли позиции на правом берегу маленькой горной речки Граника, впадающей в Пропонтиду (теперь Мраморное море). Дело было в мае, а обычно мелководный Граник весной представлял довольно серьезное препятствие. Тем более, что правый берег реки, на котором стояли персы, был довольно крут, кое-где возвышаясь до трех метров над уровнем реки. Расположение персидских сил было совершенно неправильным. Впереди, на самом берегу реки, стояла конница, тем самым лишенная свободы маневрирования, а за ней, на небольшой возвышенности — греческие наемники. И здесь, повидимому, сказывалось недоверие персов к грекам.

Македонская армия в походных колоннах во второй половине дня подошла к Гранику, и Александр дал приказ немедленно же развертываться в боевой порядок. На совет Пармениона расположиться здесь лагерем и напасть на противника на следующий день Александр, будто бы, сказал: «Неужели мы, перейдя Геллеспонт, испугаемся Граника?» Он построил свои войска следующим образом. На крайнем правом фланге, которым командовал сын Пармениона Филота, стояла часть тяжелой кавалерии и легковооруженные пехотные и кавалерийские отряды. Назначением этого крыла являлось произвести демонстрацию на крайнем левом фланге противника, где персы, ожидая именно здесь атаки Александра, сосредоточили свои лучшие силы. Ближе к центру заняла место главная масса конницы этеров во главе с Александром. В центре стояла фаланга, а на левом крыле, которым командовал Парменион, расположилась фессалийская и фракийская конница.

Несколько времени обе армии молча стояли друг против друга. Наконец Александр дал приказ крайнему правому крылу начать атаку, а затем сам, во главе тяжелой кавалерии, форсировал реку и врезался в ряды противника. Атака Александра была направлена в то место неприятельского фронта, где центр соприкасался с левым крылом, что явилось неожиданностью для персов.

Стремительный удар правого крыла был сейчас же под-

держан тяжелой пехотой, которая также стала переходить реку. На берегу завязался ожесточенный бой. Александр своим вооружением резко выделялся из окружающих, и лучшие персидские воины бросились на него. Македонский царь лично убил двоих из них, в том числе Мифридата, зятя Дария, но и сам чуть не пал: Спифридат, один из малоазиатских сатрапов, бросился на него сзади и уже занес свою кривую саблю над головой царя, но в этот момент брат кормилицы Александра, Клит, спас его жизнь, отрубив занесенную руку.

Персидская линия была прорвана. Македонская конница стала окружать неприятельский центр справа, в то время как тяжелая пехота сплоченной массой смяла персидский центр с фронта. Персидские всадники ничего не могли поделать против длинных пик македонян, которыми те кололи их в лицо. Левое крыло македонской армии охватило правый фланг персов.

А что же в это время делал сильный отряд греческих наемников, стоявший в тылу персов? Несогласованность действий персидского командования и его растерянность были так велики, что наемники не получили никакого приказа и должны были безучастно смотреть на избиение персов. Когда же с этими последними было покончено, Александр бросил все свои силы на греков, которые и были истреблены, за исключением 2000, попавших в плен. Их, как изменников греческому делу, Александр в цепях отправил в качестве рабов в Македонию. Насколько он вообще подчеркивал общегреческий характер войны с Персией, показывает тот факт, что после Граника было послано 300 полных персидских вооружений в храм Афины-Паллады в Афинах с следующим посвящением: «Александр, сын Филиппа и элины (т. е. греки — С. К.), за исключением лакедемонян (т. е. спартанцев — С. К.) из добычи, полученной от варваров, населяющих Азию».

Потери македонян были очень невелики. Источники называют около 100 человек убитыми. Число раненых было, конечно, значительно больше, — сколько, мы не знаем. На другой день после битвы Александр приказал похоронить с воинскими почестями не только своих павших воинов, но и персов.

ГЛАВА VI

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ

Битва при Гранике, уничтожив значительную часть малоазиатских сил и нанеся сильный моральный удар персам, повлекла за собой быстрое завоевание Александром Малой Азии. Прежде всего подчинились Сарды, старый город, столица бывшего Лидийского царства, покоренного в VI в. Киром. Персидский комендант Мифрин сдал Александру без боя не только город, но и его неприступную крепость со всеми богатствами. Македонский завоеватель вернул Лидии ее старые законы, уничтоженные персами, а сатрапом области назначил македонянина Асандра. Несколько ранее таким же образом было поступлено с Геллеспонтской Фригией (область, лежавшая к югу от Геллеспонта и Пропонтиды): ее сатрапом Александр назначил македонянина Каласа.

Эти первые мероприятия Александра очень интересны. Они показывают, что он сразу же совершенно реально подошел к организации завоеванной территории. При этом он далеко не всюду собирался ломать персидскую систему управления. Остались не только деление на сатрапии, но и их старые границы. Мало того, самое название «сатрап» было перенесено на новых македонских наместников, которые получили все права и обязанности старых сатрапов. Население покоренных областей должно было теперь вносить македонскому царю те подати, которые раньше оно уплачивало персам.

Трудно сказать, было ли это сохранение персидского управления случайным, вызванным тем, что македоняне на первых порах не имели еще ни времени, ни возможности по-новому организовать власть; или оно явилось результатом вполне продуманного плана, согласно которому Александр сразу же начал создавать свою новую монархию на восточных основах. Дальнейшая политика Александра скорее говорит за второе. А в этом случае удивительна зрелость двадцатидвухлетнего Александра, сумевшего уже теперь, в самом начале похода, выработать основы своей восточной политики, которую в дальнейшем он станет проводить с железной настойчивостью, вопреки противодействию македонян и греков.]

Впрочем, Александр далеко не механически воспроизводил персидскую государственную систему. Пример с Лидией, в которой были восстановлены ее старые законы, показывает, что Александр стремился привлечь на свою сторону культурные народности Востока, угнетенные персами. Еще ярче об этом говорит его отношение к греческим городам Малой Азии.

Заняв Сарды, македонская армия двинулась к Эфесу. В этот момент там происходила ожесточенная борьба партий. Чтобы ясно представить себе ее характер, нужно помнить, что персы в завоеванных областях всегда опирались на местную аристократию, давая ей всяческие льготы и через нее проводя нужную им политику. Так было и в греческих городах Малой Азии. Начиная свой поход против Персии, Александр заявил, что он прежде всего идет освобождать греческие малоазиатские города. Но это значило свергнуть там власть аристократии и восстановить демократию, т. е. придерживаться политики, обратной той, которую Македония проводила в Греции. Однако Александр, несмотря на весь свой романтизм, был чрезвычайно реальным политиком. Вот почему в Малой Азии он сразу же поставил ставку на демократию.

При приближении македонской армии к Эфесу там вспыхнуло демократическое восстание. В городе в это время у власти стояла аристократическая партия во главе с Сирфаксом. Там же находились Мемнон с греческими наемниками, бежавшими туда после Граника, и македонские эмигранты, враждебные Александру. Восставшие побили камнями Сирфакса и его сторонников, а Мемнон с эмигрантами и наемниками отступил в Милет. Демократия отворила ворота македонской армии.

Александр восстановил в Эфесе демократическую конституцию, но, чтобы примириться с жрецами храма Артемиды, приказал населению платить храму те подати, которые раньше оно уплачивало персидскому царю. Были также посланы войска и в соседние города, чтобы помочь демократическому движению. Освобожденные от персов города Малой Азии, повидимому, вошли в общегреческий союз.

Теперь перед Александром стояла задача овладеть Милетом, самым крупным городом Малой Азии. Там сосредото-

точились большие силы греческих наемников под командой Мемнона. Главная трудность для македонян состояла в том, что персидский (т. е. финикийский) флот наконец появился на театре военных действий и направился к Милету. Если бы ему удалось подойти к городу с моря, то положение осажденных значительно улучшилось бы, так как они приобретали возможность получать пополнение людьми и продовольствие. Но маленькому флоту Александра удалось опередить персов, и он занял очень удобную позицию перед самым городом, у маленького острова Лады. Позиция была такова, что флот отрезал город от моря, а сам был в полной безопасности от превосходившего его численностью противника. Напрасно персидский флот, ставший якорем у мыса Микале (к северу от Милета), пытался вызвать Александра на бой в открытом море, чтобы раздавить его флот своим численным превосходством. Македонское командование не поддавалось на провокацию.

Правда, источники говорят, что Парменион советовал принять морской бой и мотивировал это тем, что поражение не ухудшит общего положения, так как греко-македонский флот и без того значительно уступает персидскому. Если же, паче чаяния, бой будет выигран, это сразу же резко улучшит обстановку на море. Парменион предлагал лично стать во главе флота для этой отчаянной попытки. Но Александр категорически отклонил план Пармениона. Он указывал, что надежды на победу нет никакой, а поражение македонского флота произведет дурное впечатление на Грецию.

Если рассказ об этом случае достоверен (некоторые современные историки в нем сомневаются), то он лишний раз показывает осторожность Александра, который, хотя и был лично весьма храбр, но никогда не шел на авантюры.

Тем временем к Милету были подвезены стенобитные машины, которые македонское командование здесь впервые применило в широком масштабе. В стенах были пробиты бреши, и город взят штурмом. Мемнону удалось бежать, а 300 греческих наемников укрылись в гавани на маленьком скалистом островке и готовились дорого продать свою жизнь. Александр приказал объявить, что он

сохранит им жизнь, если они сдадутся. Греки сдались и были зачислены в македонскую армию. Персидский флот отступил на юг от Милета к городу Галикарнасу. Греческое население Милета Александр пощадил и восстановил там демократию (июль 334 г.).

После этого Александр отпустил в Грецию свой флот, за исключением 20 афинских кораблей, которые он оставил в качестве залога. В науке много спорят о том, была ли здесь совершена Александром ошибка или нет. Указывают, что отпускать флот и тем самым остаться беззащитными со стороны моря было крайне неосторожно. Однако нужно представить себе ясно всю обстановку. Приближалась осень, когда греки из-за бурь вообще избегали плавать. Кроме этого, у Александра было мало денег, а содержание флота стоило дорого. Наконец, самым решающим явилось то обстоятельство, что бороться на море против превосходных сил персов флот Александра все равно не мог. Рано или поздно флот погиб бы, не принося никакой пользы. У Александра был другой план: занимая своими сухопутными войсками побережье, он предполагал затруднить снабжение персидского флота продовольствием, чтобы сделать для него совершенно невозможным всякие операции. Весь этот план в основе своей был правилен, поскольку судьба кампании должна была решиться не на море, а на суше. Но македонское командование, повидимому, не учло того обстоятельства, что персидский флот мог перенести свои операции в глубокий тыл македонян — на острова Эгейского моря, к берегам Греции. Это, конечно, не определило бы исхода войны, но могло создать и создало, как увидим ниже, большие затруднения для Александра.

После взятия Милета Александр двинулся в Карию, главным городом которой был Галикарнас. В Карии его встретила царица Ада, раньше управлявшая всей областью под персидским протекторатом. Незадолго до этого она была лишена верховной власти одним из своих родственников, и теперь под ее управлением находилось только несколько городов. Ада добровольно передала Александру эти города и усыновила его (она была не молода). За это царь вернул ей власть над всей Карией. С обеих сторон здесь была, конечно, тонко рассчитанная дипломатическая

игра. Ада хотела восстановить свои права, а Александру политически было крайне важно его «усыновление» Адой. Таким путем в глазах местного населения он приобретал «законные» права, как член одной из восточных династий.

Но оставалось еще овладеть Галикарнасом, великолепно укрепленным городом, с двумя неприступными цитаделями. Здесь собрались все последние защитники Малой Азии: Мемнон, которого к этому времени Дарий назначил командующим флотом и всеми сухопутными силами побережья, греко-македонские эмигранты и остатки греческих наемников. Флот помогал осажденному гарнизону с моря. Однако греко-македонская военная техника взяла верх. Несмотря на неоднократные отчаянные вылазки гарнизона, во время которых были подожжены осадные сооружения, и на большие потери македонян, положение города в конце концов стало крайне тяжелым. Поэтому Мемнон решил его очистить. Сам он перешел на флот, а часть гарнизона заперлась в цитаделях. Но Александр не стал задерживаться на их осаде. Оставив в Галикарнасе отряд из 3000 пехоты и 200 всадников (этому отряду вскоре и сдались галикарнассские цитадели), он с главными силами двинулся в Ликию, а затем в Памфилию.

Эти горные области лежали на южном побережье Малой Азии. Здесь Александр не встретил сколько-нибудь сильного и организованного сопротивления. Только кое-где еще держались маленькие отряды греческих наемников. Когда Александр поздней осенью 334 г. был в городе Фаселиде, в Ликии, он получил сведения, сильно компрометирующие Александра линкестийца. Царь не только поощрил его в 336 г., о чем мы говорили выше, но вскоре после битвы при Гранике назначил командиром фессалийской конницы. Теперь Парменионом через одного перса были получены данные об изменнических сношениях Линкестийца с царем Дарием. Дарий обещал ему македонский трон и огромную сумму денег за убийство царя Александра. В виду особой важности дела Александр собрал совет из наиболее близких к нему лиц. Совет вынес решение о том, что Линкестиец должен быть смещен со своего высокого поста и арестован. Но, повидимому, улики против него не были особенно убедительными, потому что его оставили в живых, хотя и под арестом. Только в 330 г.

Линкестиец был казнен в связи с новым заговором на жизнь Александра (см. ниже).

Из Фаселиды македонская армия двинулась в Памфилию труднейшими горными проходами. Сам Александр с частью войск решил сократить путь и пошел вдоль берега. В обычных условиях здесь не было дороги. Отвесные скалы опускались прямо в море, и только изредка, когда дул северный ветер, обнажалась узкая полоска берега. К счастью для македонян, когда они подошли к этому месту, поднялся сильный северный ветер, и они смогли благополучно пройти опасный путь. На войска этот случай произвел сильнейшее впечатление. Всем казалось, что боги явно выказывают Александру свою милость. А впоследствии даже сложилась легенда, что море само отступило перед Александром, открывая ему свободный проход!..

Из Памфилии армия двинулась на север в дикую и неприступную Писидию. Горные племена, сидевшие в своих орлиных гнездах, не желали признавать власти македонян, как раньше они не признавали и власти персов. Разорив несколько горных укреплений, Александр объявил о «покорении» Писидии, западная часть которой формально была присоединена к сатрапии Ликии и Памфилии, а фактически осталась независимой.

Дальнейший путь лежал еще дальше на север, в Великую Фригию, центральную область Малой Азии. Маршрут Александра показывает, что он стремился систематически закрепить завоеванную территорию, пройдя Малую Азию из конца в конец. В городе Гордии, древней столице Фригии, армия остановилась на зиму. Сюда к Александру пришли пополнения из Македонии (около 3000 пехоты и 600 всадников), а также были стянуты отряды, которые перед этим Александр отправил для покорения тех частей Малой Азии, в которых он не был сам.

В Гордии Александру показали знаменитую колесницу, якобы принадлежавшую легендарному царю Фригии, Гордию. На ней был сделан необычайно запутанный узел из ремней, которыми прикреплялось дышло. Существовало какое-то предсказание, что тот, кто развяжет узел, будет владеть Азией. Александр подошел к колеснице. Кругом

стояла толпа фригийцев и македонян. Александр попытался развязать узел, но безуспешно; ремни так переплетались, что невозможно было найти концов. Наступил драматический момент: если царь не развяжет узла, это скомпрометирует его в глазах туземцев и послужит дурным предзнаменованием для будущего. Но Александр нашелся: выхватив меч, он разрубил узел.

Тем временем в тылу у македонян разыгрались опасные для них события. После падения Галикарнаса Мемнон начал приводить в исполнение свой старый план — подняться против Александра Грецию, — и так как он теперь являлся главнокомандующим всеми персидскими силами на Западе, никто не посмел ему противоречить. Персидский флот начал систематически занимать важнейшие пункты на Эгейском море. Как правило, это было связано с усилением аристократического движения среди греческих городов. Мемнон занял остров Хиос, где предварительно произошел аристократический переворот, а затем направился к острову Лесбосу. В городе Мефимне был посажен правителем дружественный персам Аристоник. Наступила очередь и за Митиленой, главным городом Лесбоса. Устроить там переворот не удалось, и персы осадили город.

В этот момент Мемнон заболел и умер. Это было большим счастьем для Александра, так как он избавился от самого крупного своего врага. Однако на первых порах персидская политика на Эгейском море не изменилась, так как преемник Мемнона, его племянник Фарнабаз, продолжал осуществлять его план. Митилена сдалась персам, после чего они заняли остров Тенедос.

Александр, крайне обеспокоенный успехами персов, послал двух командиров, Амфотера и Гегелоха, на Геллеспонт с приказанием вновь набрать флот. Но здесь обстоятельства вновь начали складываться для него в благоприятную сторону. Дарий, получив известие о смерти Мемнона, решил отказаться от его плана и приказал Фарнабазу всех греческих наемников, находившихся под его командованием, послать в Финикию, где они должны были присоединиться к главным персидским силам. Дарий к этому времени выработал новый план войны. Он решил со всеми своими войсками идти навстречу Александру в Сирию и здесь разгромить македонян. Вот для чего ему

нужны были греческие наемники Фарнабаза. Последний подчинился приказанию, но сам остался почти без войска и вынужден был свернуть операции на Эгейском море.

Поздней весной 333 г. Александр выступил из Гордия на восток и прибыл в город Анкиру (теперь Анкара, столица Турции). Отсюда македонская армия повернула резко на юг и быстрыми маршами стала пересекать Каппадокию. О прочном завоевании ее нечего было и думать: Александр получил известие о приготовлениях Дария и торопился занять горные проходы через Тавр, соединявшие Каппадокию с Киликией. Македонские войска двигались с такой быстротой, что сатрап Киликии Арсам не успел как следует укрепить так называемые «Киликийские ворота», ведущие из Каппадокии к городу Тарсу. Проход был захвачен ночной атакой легких войск под командой самого Александра. Небольшой персидский отряд бежал враспыленную. Македонская армия спустилась в Киликийскую равнину. Здесь Александра известили, что персы собираются разграбить и сжечь Тарс. Не теряя ни секунды, он поскакал со своей кавалерией вперед и успел захватить город, в котором уже начались первые пожары.

В Тарсе Александр тяжело заболел, искупавшись разгоряченный в ледяной воде горной речки Кидна. Долго находился он между жизнью и смертью, но в конце концов его крепкий организм победил. Едва оправившись, Александр послал Пармениона вперед на восток с частью войска занять проходы, ведущие из Киликии в северную Сирию. Каждая минута была дорога, так как, по совершенно точным сведениям, огромная персидская армия уже приближалась к Сирии.

ГЛАВА VII

ИСС

Дарий, решив лично стать во главе своих войск и итти навстречу Александру, летом 333 г. выступил из Вавилона с крупными силами. К осени он находился уже в северной Сирии, около местечка Сохи, в двух днях пути от Аманских гор. Этот горный хребет, отрог Тавра, тянется с севера на юг, отделяя северную Сирию от узкой приморской равнины, на которой находился небольшой город

Исс. Дарий остановился в Сохах и ждал здесь Александра. Открытые степные пространства северной Сирии являлись чрезвычайно удобными для действий многочисленной персидской конницы. Лучшей позиции Дарий не мог и желать. Македонские эмигранты, находившиеся в свите царя, настойчиво советовали ему никуда не уходить и именно здесь ждать Александра.

Но время шло, а македоняне не появлялись: Александр лежал больной в Тарсе. У персов начало истощаться терпение. В их головах появилась нелепая мысль, что македонский завоеватель просто-напросто боится их. Персидское командование имело тогда совершенно неправильное представление о реальном соотношении сил и было крайне преувеличенного мнения о боевых качествах своих войск. Дарий решил идти в Киликию, чтобы там «поймать» Александра. Персидская армия направилась в равнину Исса через восточные проходы Аманских гор. Насколько Дарий был уверен в победе, показывает тот факт, что он оставил при себе часть обоза, где находилась вся его семья: мать, жена и дочери. Остальной обоз был отправлен в город Дамаск, в южной Сирии, чтобы он не стеснял движения войск в горах.

В это самое время Александр, пройдя из Киликии в Исс и оставив в городе больных и раненых, двинулся в северную Сирию через южный проход Амана. Таким образом противники разошлись: в одно и то же время они пересекали Аманский хребет, но разными путями.

Македонская армия вышла к городу Мириандру и расположилась лагерем, будучи задержана осенним ураганом. Здесь Александр с величайшим удивлением узнал, что персы находятся у него в тылу, заняв ту самую равнину Исса, через которую он только что прошел. Не доверяя этому сообщению, он послал вдоль берега судно с разведчиками, которые должны были проверить донесения. Скоро они вернулись и сообщили, что, действительно, персидские войска стоят около Исса.

Положение македонян стало крайне опасным. Враг находился в тылу, перерезав пути сообщения. Быть может, южный проход был уже взят. Поражение или просто неудача в таких условиях явились бы катастрофой, так как отступить было некуда. Александр мгновенно выработал

гениально-смелый план: вместо того, чтобы ждать, когда Дарий снова вернется в северную Сирию, он решил итти назад, в равнину Исса, навстречу персам.

Но для этого нужно было убедиться, не занят ли уже южный проход. Немедленно был послан отряд всадников и стрелков из лука. Они донесли, что проход свободен. По непонятной оплошности персидское командование вовремя не заняло прохода. Тогда в горы двинулась вся масса македонской армии. Глубокой ночью весь проход оказался в руках македонян. Выслав вперед заставы, войско расположилось на скалах и так провело остаток ночи.

Рано утром начали спускаться в равнину Исса. Сначала проход был очень тесен, и войско шло узкой колонной. Но по мере того, как дорога расширялась, Александр стал развешивать походную колонну по фронту, так, чтобы все пространство между горами и морем было занято.

Дарий, придя накануне в Исс, с неменьшим удивлением узнал, что Александр только что был здесь. Раненые и больные, попавшие в руки персов, были перебиты. Персидская армия продвинулась несколько к югу, к реке Пинар, и здесь стала лагерем.

Днем разведчики донесли о приближении Александра. Персидское командование перебросило через Пинар большие массы кавалерии и легковооруженных и под их прикрытием построило свои силы в боевой порядок.

Общая картина битвы при Иссе напоминает сражение при Гранике. Однако персы, видимо, учли опыт Граника и построили свои силы более рационально. Их боевая линия, обращенная фронтом к югу, проходила позади Пинара, маленькой горной речки, впадающей в море. Берега Пинара были довольно круты, а к тому же персы в некоторых местах укрепили их палисадом. В центре персидского расположения стоял корпус греческих наемников (вероятно, тысяч около 12). Справа и слева от него — тяжеловооруженная пехота «кардаков» (повидимому, курдов). На правом крыле была сосредоточена кавалерия, а свое крайнее левое крыло, состоявшее из легковооруженных, Дарий вынес далеко вперед, расположив его на уступах гор, чтобы ударить им в правый фланг наступающих македонян. Сам Дарий на боевой колеснице, окруженный

гвардией, помещался в центре своего расположения, за греческими наемниками. Перед фронтом, особенно на левом крыле, где ожидалась атака Александра, были расположены стрелки из лука. Общее количество персидских сил в битве при Иссе не может быть установлено. Греческие историки называют цифру 600 000, но она, повидимому, сильно преувеличена.

Во всяком случае, у Александра сил было меньше, — приблизительно столько же, сколько и при Гранике, т. е. 30 тыс. с небольшим (потери за время малоазиатского похода и расход людей на гарнизонную службу были возмещены пришедшими из Македонии пополнениями). В основном Александр составил тот же план битвы, что и весной 334 г. Он командовал правым крылом, где стояли конница этеров и легкие войска, пешие и конные. Центр занимали таксисы фаланги, а левое крыло, которым руководил Парменион, состояло частью из легкой пехоты, частью из фессалийской и греческой конницы. Парменион получил категорический приказ Александра ни в каком случае не отрывать крайнего левого крыла от моря, чтобы тем самым избежать окружения.

Битва началась с того, что Александр приказал легким войскам своего правого крыла сбить выдвинутое вперед крайнее левое крыло персов. Когда это было исполнено и опасность возможного окружения миновала, македонская линия двинулась на врага. Атаку, как и при Гранике, начал Александр во главе тяжелой конницы правого крыла. Левое крыло персов («кардаки») быстро было смято, а затем и прорвано. Следом за ударной группой, уступом, бросилась македонская фаланга. Но она сразу же очутилась в тяжелом положении. Против нее стояла лучшая часть персидской армии, 12 тысяч греческих наемников, профессиональных солдат, закаленных в бесчисленных походах. Переход через Пинар был очень неудобен, благодаря крутым и скалистым берегам. Форсируя реку под градом стрел, фаланга расстроила свои ряды. Этим воспользовались греческие наемники и перешли в наступление, ворвавшись в интервалы, образовавшиеся между частями фаланги. Наступление македонян остановилось.

Еще хуже было положение на левом крыле македонской армии. Здесь, повидимому, Парменион даже не смог

перейти в наступление, а вынужден был обороняться против превосходных сил персидской кавалерии, бросившихся на него через реку. Но в этот момент ударная группа Александра, прорвав левое крыло персов, ударила во фланг греческим наемникам. Вместе с тем, так как прорыв был очень глубок, под угрозой оказался и сам Дарий, окруженный своей гвардией. Увидя Александра, стремительно несшегося на него во главе своих этеров, Дарий смертельно испугался, перешел с колесницы на коня и бежал, бросив свой лук и царскую мантию. Его гвардия и греческие наемники некоторое время стойко держались, отбивая все атаки Александра. Но мало-по-малу среди персидской армии начал распространяться зловеющий слух, что царь бежал. Это оказало роковое влияние. Центр дрогнул и стал отступать, попятилось правое крыло... Отступление превратилось в бегство...

Все силы своей кавалерии Александр бросил на преследование бегущих, стремясь во что бы то ни стало захватить Дария. Но это не удалось. Царь ускользнул, но зато его обоз и вся семья попали в руки победителей. Наступившая темнота благоприятствовала персам. Восточные проходы, которыми они пришли в равнину Исса, оставались в их распоряжении. Тем не менее потери среди персидской части армии Дария были очень велики. Греческие наемники отступили в полном порядке. Около 2000 их перешли через Аманский хребет и впоследствии соединились с Дарием, а 8000 сумели сесть на суда и отплыли в Финикию, а затем в Египет. Александр потерял убитыми 450 человек и сам был легко ранен в бедро.

Победа при Иссе (конец октября или начало ноября 333 г.) сыграла огромную, быть может, решающую роль в ходе войны. Живая сила Персии надолго была ослаблена, и непосредственным результатом победы явился переход в руки Александра всей западной половины персидского государства (к западу от реки Евфрата). Это, в свою очередь, оказало огромное влияние на выработку дальнейших планов Александра. Начиная весной 334 г. поход, он, вероятно, и сам хорошенько не знал, как далеко пойдет в глубь Персии. Во всяком случае, планы греков и Филиппа не шли дальше «освобождения» греков от персов, то есть дальше завоевания Малой Азии. Возможно,

что и Александр начинал поход с этим именно планом. Едва ли у него была тогда сколько-нибудь ясная идея «мировой монархии» или, по крайней мере, идея завоевания всего персидского царства. Удачное начало похода и, особенно, блестящая победа при Иссе, оказали здесь решающее влияние. Вскоре после Иссы Александр официально выступает с притязаниями на господство над всей Азией (см. следующую главу).

Не меньшее влияние оказал исход сражения на отношения между Македонией и Грецией. Успехи персов на Эгейском море, известие о болезни Александра, слухи о приближении огромной армии Дария (количество ее невероятно раздувалось) — все это чрезвычайно волновало Грецию. Антимакедонская партия снова начала строить планы освобождения. В Афинах Демосфен на всех перекрестках предсказывал неизбежную гибель Александра. Спартанский царь Агис завязал сношения с персами в Галикарнасе, а перед самой битвой при Иссе к Дарию прибыли афинские, фиванские и спартанские послы. Если бы Александр проиграл битву при Иссе, то, не говоря уже о катастрофических последствиях для всей кампании, это неминуемо вызвало бы общее восстание в Греции, и неизвестно еще, сумел ли бы Антипатр его подавить. Теперь же известие о победе заставило умолкнуть всех недовольных, тем более, что и персидский флот вскоре после Иссы покинул Эгейское море.

Лично для Дария поражение при Иссе имело еще одну печальную сторону: в плен к Александру попали его мать, жена и две дочери. Персидский царь был примерным семьянином, и плен родных огорчал его не меньше, чем разгром армии. Правда, Александр вел себя по отношению к царской семье безукоризненно. Им оказывали в плену весь тот почет, к которому они привыкли дома. Говорят, что Александр лично ни разу не встречался с женой Дария Статирой за все то время, пока она находилась в плену (она вскоре умерла). Это объясняли тем, что он не хотел подвергать себя искушению, так как Статира была необычайно красива. Хотя Дарий довольно скоро узнал об условиях, в которых содержалась его семья, тем не менее разлука с ней его страшно мучила. Поэтому вскоре после Иссы он попытался вступить с Александром в переговоры о мире.

ГЛАВА VIII

ОСАДА ТИРА И ПОПЫТКА МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

После битвы македонские войска двинулись снова на юг, через знакомые уже им сирийские проходы. Значительную часть восточного побережья Средиземного моря занимали торговые финикийские города: Мараф, Арад, Библ, Берит, Сидон, Тир и др. Против них и направился прежде всего Александр. Для него было крайне важно завладеть финикийским побережьем, так как это парализовало бы действия персидского флота, состоявшего, как мы видели, главным образом из финикийских кораблей. Лишенные своей базы, они неизбежно должны были бы прекратить военные действия или даже перейти на сторону Александра. Так и случилось.

Подавляющее большинство финикийских городов не склонно было защищаться. Их сухопутные силы были ничтожны и не могли идти ни в какое сравнение с победоносной македонской армией. Поэтому северные города один за другим открывали ворота македонянам. Из северной Финикии Александр отправил Пармениона в Дамаск, где находилась большая часть обоза Дария. Город был сдан без боя. Македонянам досталась богатая добыча: казна Дария, масса военного снаряжения и много знатных персов. Финансовый вопрос для Александра теперь был решен. В Дамаске же были захвачены и греческие послы. Александр и здесь проявил свою мягкость по отношению к грекам: афинян и фиванцев он отпустил с миром, и только спартанского посла приказал арестовать, — Спарта как раз перед этим заняла явно враждебную позицию по отношению к Македонии. Впрочем через некоторое время и спартанский посол был освобожден. /

Осложнения начались в южной Финикии. Город Тир отказался впустить Александра в свои стены и заявил, что он сохранит нейтралитет. Поведение Тира объясняется некоторыми особыми обстоятельствами. Во-первых, это был самый крупный из финикийских городов, обладавший сильным флотом. Он держал в своих руках значительную часть средиземноморской торговли и имел много колоний. Персы, нуждавшиеся в торговом посредничестве Тира и в его флоте, предоставили ему ряд льгот. Поэтому, когда

в середине IV в. некоторые города во главе с Сидоном, главным торговым соперником Тира, подняли восстание против Персии, Тир не примкнул к восстанию. Сидон же был жестоко наказан персами. Таким образом, к моменту македонского похода Тир играл ведущую роль среди финикийских городов и не желал расставаться с ней. Неуступчивость Тира по отношению к македонянам объяснялась также его местоположением. Город состоял из двух частей: старого города, лежавшего на материке, и нового, расположенного на маленьком скалистом острове. Этот последний был отделен от материка нешироким проливом и окружен стенами. При тогдашних условиях военной техники, обладая сильным флотом, Тир считал себя неприступным. И действительно, ни одному завоевателю древнего мира ни разу не удалось взять Тира. Вот почему он надеялся отбить и македонские войска.

Однако Александр решил взять город. Осадная техника македонской армии, как было указано выше, стояла для того времени на большой высоте. С ее помощью Александру удалось сломить сопротивление Милета и Галикарнаса. В его армии служил знаменитый инженер Диад, руководивший осадными операциями. Он изобрел много новых военных механизмов: таран на колесах, огромные буравы для сверления крепостных стен, осадные башни, которые можно было разбирать и вновь собирать и т. д.

Главная трудность осады Тира, жители которого все переселились в новый город, состояла в том, что к его стенам нельзя было подвести осадные машины. Но это не остановило Александра. Он приказал засыпать часть пролива, отделявшего остров от материка. Это потребовало много времени и сил. Неприятельский флот все время мешал производству работ. Однажды осажденные направили к македонским сооружениям брандер, т. е. судно, нагруженное горючими веществами, и подожгли их.

Для Александра стало ясно, что без флота с Тиром ничего сделать нельзя. Он обратился к финикийским и малоазиатским городам с приказанием дать ему флот. Скоро в его руках собрались морские силы, достаточные для того, чтобы окружить Тир с моря. Попытка тирского флота прорвать блокаду кончилась его поражением. Только

после этого Александр смог довести до конца насыпь и поставить на ней тараны и башни. Началась правильная осада. Тиряне отчаянно защищались. В конце концов обе гавани нового города были захвачены флотом Александра, а в стенах пробиты бреши. Македоняне ворвались в город и произвели там жестокую резню. 8000 жителей было убито, 30 000 продано в рабство. *Осада продолжалась в общей сложности с января по август 332 г.*

Взятие непобедимого Тира произвело в древнем мире впечатление не меньшее, чем разгром персов при Иссе. Для Александра, помимо морально-политического значения этого факта, имело огромную важность то обстоятельство, что, слолив Тир, он получил в свое полное распоряжение все финикийское побережье. Персидский флот скоро перестал существовать, и тыл македонской армии был теперь вполне обеспечен!

Еще в то время, когда Александр находился в городе Марафе, в северной Финикии, он получил от Дария предложение начать мирные переговоры. Персидское посольство привезло письмо Дария, а кроме этого на словах передало Александру просьбу царя вернуть ему семью. В письме же Дарий обвинял македонян в том, что они первые напали на Персию. Уже Филипп, писал он, разорвал дружбу и союз с персами без всяких оснований с их стороны. Когда же на престол вступил он, Дарий, то Александр не только не послал к нему никого, чтобы возобновить старые дружеские отношения, но сам с войсками вторгся в Азию и причинил персам много зла. Поэтому и он вынужден был выступить в поле, чтобы защитить свою страну и сохранить власть, полученную от предков. Боги решили битву так, как им было угодно. Теперь же он просит Александра, как равный равного, вернуть ему жену, мать и детей, взятых в плен, и вместе с тем желает вступить с ним в дружественный союз. Для этого Дарий предлагал македонскому царю прислать к нему посольство.

Александр ответил пространным письмом, очень важным для понимания его тогдашних взглядов и планов. Он отверг все обвинения Дария в том, что виновниками войны являются македоняне. Он напомнил Дарию, что еще предки его причинили много вреда Греции и Македонии во время греко-персидских войн и что он, Александр,

в качестве верховного вождя греков пришел в Азию, чтобы отомстить за прошлые обиды. И позднее, писал он, персы старались всячески вредить Македонии. Так, они помогали фракийцам во время войн с Филиппом, организовали его убийство, поддерживали в Греции антимакедонское движение. После того, как он, Александр, разбил полководцев Дария, а затем его самого, он, по воле богов, владеет всей страной. Поэтому, если Дарий желает о чем-нибудь его просить, пусть придет к нему, как к господину всей Азии, и тогда получит и мать, и жену, и детей. А если в будущем Дарий снова захочет послать к нему, то должен посылать не как равный к равному, а как подданный к господину.

В этом письме выступают притязания Александра на всю восточную монархию. Фактически они, конечно, обоснованы были очень мало, так как в руках Дария оставалась еще значительная часть государства и огромные материальные средства. Но психологически уверенный тон письма вполне понятен. Кроме этого, здесь надо учитывать один момент. Письмо было предназначено не столько Дарию, сколько, через его голову, грекам и македонянам, а, быть может, и персам. Текст его сейчас же стал всюду известен и должен был произвести огромное впечатление. В нем Александр впервые изложил свою программу. Она была чрезвычайно широка, идя гораздо дальше того, о чем могло мечтать поколение Филиппа. Александр уже не предполагал ограничиться завоеванием только Малой Азии, а намерен был покорить всю Персию. Вот почему некоторые исследователи правильно называют письмо Александра политическим манифестом.

Незадолго до окончания осады Тира к Александру явилось новое посольство. На этот раз оно привезло совершенно конкретные условия мира. Дарий предлагал македонскому царю в обмен на семью 10 000 талантов, территорию от Евфрата до Эгейского моря и руку одной из дочерей. Кроме этого Дарий предложил вступить в дружбу и союз.

В виду важности дела, Александр собрал совет своих приближенных и поставил на его обсуждение мирные предложения персов. Говорят, на совете Парменион заявил, что если бы он был Александром, он принял бы предложения Дария, чтобы не подвергаться риску и слу-

чайностям войны. Александр, будто бы, на это возразил, что и он на месте Пармениона поступил бы так же. Но так как он Александр, то он ответит Дарию иначе.

Ответ Александра в иронической форме повторил содержание первого письма. В деньгах он не нуждается и не желает менять всю территорию на часть ее. И деньги и земли Дария все принадлежат ему, Александру. Если он захочет жениться на дочери Дария, он может это сделать и без его позволения. Если Дарий желает получить его дружбу, он должен явиться лично.

Получив ответ Александра, Дарий понял, что надежд на сколько-нибудь сносный мир нет никаких, и начал снова готовиться к войне.

Мирные переговоры и, в частности, обсуждение предложений Дария в совете очень важны для понимания дальнейшего. Если битва при Иссе была решающим моментом в военной истории похода, то отказ от мирных предложений явился таким же решающим событием в политической истории войны. Отвергнув конкретные предложения Дария, Александр тем самым практически начал осуществлять программу, изложенную им в первом ответе Дарию. Персидские предложения, сделанные в Марафе, были еще слишком неопределенны. В Тире Дарий предложил очень определенные и очень выгодные для Македонии условия мира. Не говоря уже о колоссальной сумме денег, Македония получила бы область, размерами своими далеко превосходящую Грецию и Македонию вместе взятые. И тем не менее, Александр отверг эти предложения. Это означало, что планы его, каковы бы они ни были в начале похода, теперь, летом 332 г., окончательно уточнились: он хотел завоевать всю огромную персидскую державу, простиравшуюся от Средиземного моря до реки Инда. |

Очень интересна позиция, занятая Парменионом при обсуждении мирных предложений Дария. Его выступление в совете показывает, что он был несогласен с программой царя. Почему? Можно предположить, что старый, опытный и осторожный полководец боялся огромного риска, связанного с проникновением вглубь Азии, где маленькая македонская армия действительно могла быть раздавлена персами. Ведь к Иссу Дарий стянул далеко не все свои

силы. У него оставались еще огромные резервы, для мобилизации которых нужно было только время. А времени у Дария было достаточно, так как он мог очень далеко отступать на восток. Все это прекрасно знало македонское командование. Возможно поэтому, что для Пармениона на первом плане стояли именно соображения военного характера.

Но помимо них действовали и другие, чисто политические мотивы, которые вовсе не исключали военных соображений, но дополняли их и, быть может, даже лежали в их основе. Парменион, как и большинство высшего командного состава Александра, принадлежал к македонской знати. Правда, это была та часть знати, которая в свое время поддерживала Филиппа и не принимала участия в заговоре на его жизнь. После его убийства она стала на сторону его сына и стала служить Александру так же верно, как раньше служила Филиппу. Она делала это потому, что была заинтересована в создании сильной, объединенной Македонии, а вовсе не в ее расчленении, к чему стремились обломки старых княжеских родов. Но все-таки это была македонская земельная знать, со всей ограниченностью и близорукостью родовой знати отсталой страны. Она стояла за сильную Македонию, она стремилась подчинить Грецию, она была, наконец, не прочь завладеть богатствами Малой Азии. Но завоевание Востока ее пугало. Она смутно чувствовала, что это грозит такими изменениями, такими потрясениями «исконных» основ македонского строя, при которых, быть может, придется поступиться кое-чем и македонской знати.

Точка зрения Пармениона, высказанная на совете ээтров, не являлась только его личным мнением. Дальнейшие события показали, что за его спиной стояла сильная группа македонской армии. Мало того. Устами Пармениона впервые заговорила, — правда, пока еще очень робко, — греко-македонская оппозиция Александру. Оппозиция его грандиозным планам, его политическим идеям, далеко выходящим за рамки понимания рядового грека и македонянина. В этот момент оппозиция только начала складываться; скоро она должна была проявиться гораздо более резко и открыто.

ГЛАВА IX

АЛЕКСАНДР В ЕГИПТЕ

После взятия Тира македонские войска направились в Египет. Можно поставить вопрос, насколько целесообразным явился этот маршрут. Не лучше ли было бы из Финикии немедленно двинуться в центральную часть персидского государства, чтобы помешать Дарию произвести новый набор войск, захватить его столицы — Сузы, Персеполь, Экбатаны, захватить его самого и тем самым в кратчайший срок окончить войну? Однако у Александра были серьезные соображения не торопиться. Во-первых, как указывалось выше, он стремился к прочному овладению персидским государством. Македоняне, что видно на примере Малой Азии, систематически занимали одну сатрапию за другой, и с этой точки зрения оставить Египет незанятым было бы нарушением общего стратегического плана. Тем более, что Египет мог стать новым опорным пунктом для всех сил, враждебных Александру. Не забудем, что туда после Исса бежало 8000 греческих наемников.

Во-вторых, занятие Египта диктовалось важными политическими соображениями. Александр на Востоке разыгрывал роль освободителя всех угнетенных персами народностей. По отношению к грекам Малой Азии это дало очень хорошие для македонян результаты. Еще большее значение должна была иметь эта политика в долине Нила. Египет в течение тех двухсот лет, что он был под властью персов (с 525 г.), являлся самой беспокойной частью персидской державы. За это время там было не меньше трех крупнейших восстаний, из которых последнее окончилось лишь в 40-х годах IV в., т. е. незадолго до похода Александра. Поэтому овладение Египтом, где македоняне имели все основания ожидать дружеского приема со стороны очень широких слоев местного населения, дало бы Александру прочную базу для дальнейшего наступления на восток.

Наконец, лично Александра Египет манил, может быть, той загадочностью, которой он был окутан в представлениях греков. Беспокойный дух исканий неудержимо влек македонского царя в таинственную «страну чудес».

По дороге в долину Нила македонскими войсками снова пришлось задержаться на два месяца на осаде Газы, в южной Палестине. Это был сильно укрепленный город, расположенный на высоком холме. Гарнизон, состоявший в значительной части из арабских наемников, отказался сдаться. Осаду затрудняло неприступное местоположение города. Македонским войскам пришлось соорудить высокую насыпь, чтобы пустить в ход штурмовые орудия. Однако первые попытки были неудачны и стоили македонянам больших потерь. Только после того, как из-под Тира привезли тяжелые осадные машины, удалось взять город. Уцелевшие остатки населения были проданы в рабство, а на их место водворили новых жителей из соседних областей. В городе был оставлен македонский гарнизон.

После семи дней пути вдоль берега моря Александр прибыл в Пелусий, пограничную морскую крепость Египта (ноябрь 332 г.). Персидский сатрап Мазак не оказал македонянам никакого сопротивления и передал Александру все укрепления и всю свою кассу. Повидимому, настроение египетского населения было таково, что персы не рискнули сопротивляться. В Пелусии Александра ожидал его флот, пришедший из Финикии. Отсюда флот двинулся вверх по Нилу в город Мемфис, древнюю столицу фараонов. Александр с армией направился туда же через пустыню. Переправившись через Нил около города Гелиополя, он вступил в Мемфис.

Таким образом македонский царь фактически стал повелителем Египта. Но не только фактически. Повидимому, вскоре после его прибытия в Мемфис египетское жречество, которое играло тогда руководящую роль в жизни страны, официально признало Александра царем Египта. И в качестве такового он принес жертвы египетским богам, в том числе и священному быку Апису, который пользовался среди египетского населения огромным уважением. Но по египетским представлениям, фараон был сыном бога солнца Аммона-Ра. Таким образом, признание Александра царем в глазах египтян означало признание его богом.

Этот факт имел огромное политическое значение для укрепления власти македонского завоевателя в Египте. Но

Александр, как увидим ниже, постарался использовать свое обожествление и вне Египта.

В Мемфисе Александр по греческому обычаю устроил музыкальные и гимнастические состязания, для которых им были выписаны из Греции лучшие артисты и мастера спорта. Крайне любопытно это соединение в политике Александра двух моментов: с одной стороны, подчеркивание уважения к туземным верованиям и обычаям Египта, с другой — стремление привить там чисто-греческую культуру. Эта последняя линия нашла свое завершение в основании Александрии.

[Зимой 332/331 г. Александр с отрядом легких войск спустился вниз по Нилу и в его дельте, у западного рукава реки, при впадении в море, основал город, названный его именем. Место было выбрано чрезвычайно удачно. Город должен был лежать на полосе земли, отделяющей озеро Мареотиду от моря. Морская гавань была защищена островом Фаросом. Но город должен был иметь и вторую, внутреннюю гавань, расположенную на озере, которое могло быть соединено каналами как с морем, так и с рекой. Морское течение, проходящее здесь с запада на восток, относило в сторону все речные наносы, так что Александрийская гавань должна была стать лучшим портом Египта. План города был составлен греческим архитектором Дейнокротом. Александрии царь дал чисто-греческое устройство с городским советом, народным собранием и другими органами самоуправления.

Очень быстро новый город стал крупнейшим экономическим и культурным центром древнего мира и оставался им в течение многих столетий. После образования мировой монархии Александра, его положение в устье Нила сделало из него важнейший узел торговых путей, ведущих из Средиземного моря далеко на восток и на юг. Огромное разноплеменное население шумной толпой наполнило широкие улицы, рынки и прекрасные гавани Александрии. Приемники Александра в Египте, цари из династии Птолемея, сумели привлечь в свою столицу крупнейших представителей греческой науки и искусства. Александрия скоро сделалась главным очагом и рассадником древней культуры, выросшим на эксплуатации египтян.

Значение Александрии в древности Маркс и Энгельс

в «Международных обзорах» (Обзор первый) иллюстрируют путем сравнения их с другими городами: «То, что в древности представляли Тир, Карфаген и Александрия, в средние века Генуя и Венеция, чем до сих пор были Лондон и Ливерпуль, — центрами мировой торговли, — этим становятся теперь Нью-Йорк и Сан-Франциско...» (Сочинения, т. VIII. стр. 209).

Пока Александр с огромным увлечением занимался выбором места и планировкой города, к нему прибыл Гегелок и сообщил ему важные новости: все острова Эгейского моря, раньше захваченные персами, снова перешли в руки македонян, а персидский флот окончательно распался. Это было естественным следствием блестящих успехов Александра на суше. Войну на Западе можно было считать оконченной.

После закладки Александрии царь прошел вдоль берега моря на запад до города Паретония. Здесь к нему явилось посольство из греческой колонии Кирены, лежавшей на африканском побережье далеко на западе. Посольство принесло Александру богатые подарки, изъявление покорности и просьбу побывать в Кирене. Обрадованный царь заключил с киренцами дружбу и союз, но к ним не поехал. Из Паретония он круто повернул на юг и углубился в пустыню. Началось знаменитое путешествие в оазис Сива к оракулу Аммона.

Оазис лежал в безводной и песчаной местности, в 300 км. к югу от Паретония и почти в 600 км к западу от Нильской долины. Зачем Александру нужно было это путешествие? Оракул Аммона, где божество выражало свою волю устами жрецов, пользовался громадной известностью далеко за пределами Египта. Со всех концов древнего мира стекались паломники, чтобы попросить у бога совета. Греки отождествляли египетского Аммона с своим Зевсом и были не меньшими почитателями оракула, чем сами египтяне. Александр тоже хотел спросить Аммона о своей судьбе. Был ли он искренен? Трудно сказать. Вероятно и здесь, как всегда, у Александра чувство перемешивалось с расчетом. Мы не имеем никаких оснований думать, что он не верил в традиционных богов греческой религии, отрицал предсказания, чудесные знамения и т. п. В этом отношении Александр ничем не отличался от рядового

грека своей эпохи. Поэтому весьма возможно, что он самым искренним образом жаждал получить предсказание оракула и верил, что это предсказание сбудется. С другой стороны, Александр прекрасно знал, что жрецы дадут ему, египетскому фараону, «сыну Аммона», именно такой ответ, какой был нужен. И этот ответ, принимая во внимание широкую известность оракула, мог иметь большое политическое значение.

Десять дней шел отряд Александра среди раскаленной пустыни. Палящий южный ветер нес тучи песку, который набивался во все поры тела, мешал дыханию и заносил всякие следы дороги. Молва впоследствии разукрасила это путешествие множеством легендарных подробностей. В этой местности дожди являются редким исключением. И вдруг, когда македоняне умирали от жажды, небо покрылось тучами и полил дождь. Когда отряд сбился с дороги, два ворона и две змеи стали указывать путь к оракулу.

Наконец, добрались до оазиса Сива. Это был чудесный сад, выросший среди бесплодной пустыни. Группы пальм качали своими вершинами, оливковые рощи манили своей прохладой, всюду струились источники чистой воды. . . Александр один, в сопровождении только старого жреца, вошел в святилище храма, где стоял идол. О чем спросил царь и что ему ответил оракул? Здесь наши источники расходятся. Наиболее достоверные из древних писателей рассказывают, что когда Александр вышел из святилища, то на вопросы свиты кратко ответил, что он услышал то, чего хотел. Другие источники вдаются в различные детали. Так, когда Александр подошел к оракулу, то жрец будто бы назвал его сыном (т. е. сыном Аммона). Затем царь спросил бога, суждено ли ему владеть всей вселенной? На это оракул ответил, что весь мир покорится его державе. Наконец Александр задал последний вопрос: все ли убийцы его отца наказаны? В ответ он услышал, что убийцы Филиппа все истреблены, но что отца его, т. е. Аммона, никто уничтожить не может, так как он бессмертен.

Повидимому, наиболее достоверным является первый вариант предания. Но, во всяком случае, что бы ни происходило в святилище Аммона, молва быстро разнесла это, всюду украшая массой легендарных деталей. При

этом все они сводились к одному: Зевс-Аммон признал Александра своим сыном. Но это-то и было нужно македонскому царю. Таким образом, цель похода в оазис Сива была достигнута.

Однако отношение ко всему этому было различно в разных кругах тогдашнего общества. Если для Египта в признании Александра богом не было ничего странного, то для большинства македонян обожествление сына Филиппа казалось довольно диким. Кое-кто улыбался; говорили о каком-то письме Филоты, сына Пармениона, в котором он иронически поздравлял Александра с причислением к лику богов, но сожалел о тех, которым придется жить под такой сверхчеловеческой властью. Однако, пока Александр не делал никаких практических выводов из своего обожествления (по крайней мере по отношению к македонянам и грекам), дальше насмешек дело не шло.

Из оазиса Сива Александр вернулся в Мемфис, по одним сведениям, прежней дорогой через Паретоний и Александрию, по другим — прямым путем на запад через пустыню.

В организации египетского управления Александр проявил ту же самую политическую гибкость, что и раньше в Малой Азии. Весь основной чиновничий аппарат был составлен из туземцев. Вместо персидской системы, при которой Египет управлялся одним сатрапом, Александр назначил двух правителей из египтян — для Верхнего и Нижнего Египта. Таким образом в известной степени был восстановлен старый порядок, существовавший еще до персов, при фараонах. Однако высший финансовый контроль был поручен греку Клеомену. Точно также и военное командование находилось в руках македонян, причем Александр избегал здесь сосредоточения власти в одних руках: были назначены особые начальники гарнизонов в Мемфисе и Пелусии и особый командир наемников. Кроме этого из общего управления страной были выделены две особо важные пограничные области — Ливия и Аравия — и поручены особым заместителям (один из них, впрочем, был Клеомен). Так получилась сложная система управления, которая пыталась объединить местные египетские особенности с руководящей ролью македонян и греков,

ГЛАВА X

ГАВГАМЕЛЫ

Ранней весной 331 г. македонская армия оставила долину Нила и пошла старой дорогой на север. Некоторое время Александр пробыл в Тире, занимаясь организацией финансового управления Малой Азией, Сирией и Финикией и другими административными вопросами. Затем армия свернула на северо-восток, направляясь к Евфрату через пустынные равнины Сирии. Авангард с инженерным обозом был послан вперед в город Тапсак, чтобы навести мосты через реку.

После неудачи мирных переговоров Дарий энергично готовился к продолжению войны. В Вавилон стягивались большие массы войск из центральных и восточных частей персидского государства, еще оставшихся под властью Дария. Это были собственно-Персия, Армения, Мидия, Парфия, Ария, Гиркания, Бактрия, Согдиана и др. вплоть до западной Индии. Учитывая техническое превосходство македонян, персидское командование, повидимому, стремилось со своей стороны максимально использовать все завоевания восточной техники и даже провело кое-какие военные реформы. Так, рассказывают, что в персидской армии были введены более длинные копья. Из Индии выписали боевых слонов. Самое же главное, на что особенно рассчитывал Дарий, это были боевые колесницы, усаженные острыми серпами. Они должны были произвести страшные опустошения в сомкнутых рядах македонской фаланги. Для предстоящей битвы персидский «штаб» наметил широкую равнину на левом берегу Тигра, недалеко от развалин бывшей столицы Ассирии, Ниневии. Местность представляла большие удобства для свободного маневрирования персидской конницы и действия боевых колесниц.

Переправу через Евфрат около Тапсака сторожил Мазей, сатрап Сирии и Месопотамии, с несколькими тысячами всадников и греческих наемников. Поэтому македонские саперы, начав строить мосты, не могли довести их до конца. Однако, когда к реке подошли главные силы с Александром, Мазей отступил. Мосты были доведены до противоположного берега, и македонская армия благополучно переправилась через реку (июль — август 331 г.).

За Евфратом, далеко на восток и юг, лежали степи северной Месопотамии. Македонская армия двигалась вперед, не встречая никакого сопротивления. Очевидно, персы хотели заманить Александра как можно дальше и дать сражение там, где это было им выгодно.

К двадцатым числам сентября армия подошла к Тигру, второй великой реке Месопотамии. Переправа также прошла без особых затруднений, хотя Тигр отличается своим быстрым течением. Когда войско отдыхало после переправы, случилось лунное затмение, сильно испугавшее суеверных македонян. Однако жрецы истолковали это явление, как благоприятное знамение. Современная астрономия вычислила, что затмение произошло вечером 20 сентября 331 г. Вот почему мы имеем возможность более или менее точно установить последовательность событий этого периода.

Теперь Александр повернул на юго-восток вдоль течения Тигра. На четвертый день после переправы разведчики донесли, что показались неприятельские всадники. Александр приказал построиться в боевой порядок. Однако это была только крупная персидская разведка, так как всадников оказалось не больше 1000 человек. Александр с отрядом конницы бросился на них. Персы отступили, но некоторые попали в руки македонян и сообщили, что Дарий со всеми своими силами находится неподалеку.

По совету Пармениона, Александр отдал приказ расположиться укрепленным лагерем, а сам занялся изучением поля предстоящей битвы. Это была равнина, лежавшая около местечка Гавгамелы, к северо-западу от г. Арбел. В лагере македонская армия оставалась несколько дней, набираясь сил для предстоящего боя. Персидские войска стояли километрах в десяти к югу. Вечером 30 сентября Александр, оставив в лагере больных, двинулся на сближение с персами. Ночью, пока воины ужинали и отдыхали, он собрал военный совет из всех командиров частей. На нем возникли разногласия. Парменион, боясь количественного превосходства персов, советовал напасть на них ночью, чтобы использовать замешательство, которое неизбежно должно было возникнуть среди них при ночном нападении. Царь будто бы возразил, что стыдно красть победу и что Александр должен победить врага

открыто и без всяких хитростей. Он произнес речь к собравшимся, указывая им на значение предстоящей битвы. Теперь они будут сражаться не из-за Сирии или Финикии, не из-за Египта. Теперь идет борьба за власть над всей Азией... Тем временем Дарий, страшась внезапного нападения, всю ночь держал войско в строю и страшно утомил его.

Утром 1 октября 331 г. началась знаменитая битва при Гавгамелах, решившая судьбу Азии! О количестве персидского войска греческие историки, как всегда, сообщают крайне преувеличенные данные. По их словам, у Дария было 40 000 всадников, 1 миллион пехоты, около 200 серпоносных колесниц и 15 слонов. Эти цифры (особенно в части, касающейся пехоты) совершенно невероятны по одному тому, что миллионную армию при тогдашних условиях невозможно было прокормить, не говоря уже о невозможности управлять ею. Поэтому количество персидской пехоты должно быть уменьшено по крайней мере в 10 раз. И тем не менее, персы значительно превосходили македонян. Построение македонской армии и ход боя совершенно убедительно доказывают это. У Александра было около 47 000 человек.

После битвы в персидском лагере была найдена диспозиция их войск, и поэтому мы довольно точно знаем, как Дарий построил свою армию. Как и при Иссе, царь стоял в центре, окруженный своей гвардией. Это были так называемые «родственники» царя, конный отряд персидской знати и гвардейская пехота, вооруженная копьями. Их закрывали с фронта греческие наемники, которых, впрочем, после Иссы у Дария осталось едва ли больше 2000. Правое и левое крылья персидской армии образовывали пехотные и кавалерийские части вперемежку. На крайнем правом и крайнем левом флангах стояли бактрийские, парфянские и мидийские всадники. Для лучшего укрепления своих флангов Дарий выставил перед ними еще дополнительные отряды конницы. Боевые колесницы были расположены перед фронтом, причем главная масса их группировалась на левом фланге, где персы ожидали конную атаку Александра. Пятнадцать слонов защищали центр.

Расположение македонской армии дает совершенно иную картину, чем в прежних битвах Александра. Впрочем, пер-

вая линия была расположена как обычно: в центре фаланга, на правом фланге конница этеров, на левом — фессалийская конница. Главное новшество состояло в том, что для обеспечения себя на случай окружения, Александр позади основной линии фаланги поставил вторую линию. Этой последней был дан приказ, в случае захода персов в тыл, повернуться кругом. Кроме этого за обоими флангами были расположены уступами отряды легкой конницы и пехоты. Их назначение состояло в том, чтобы в случае надобности или удлинить фронт, или, сделав оборот на 90° в сторону флангов, соединить таким образом первую и вторую линии. В этом последнем, крайнем случае македонская армия, окруженная со всех сторон персами, превратилась бы в замкнутый четырехугольник (карре).

Персидский фронт своей длиной значительно превышал македонский, и битва началась с того, что Дарий приказал выдвинутым вперед частям своего левого крыла охватить правый фланг Александра. Однако этот маневр был парализован встречной атакой легкой македонской кавалерии, предназначенной для охраны правого фланга. Пока здесь шел встречный бой, Дарий ввел в дело боевые колесницы. Стремительно понеслись они на правое крыло македонской армии, сверкая на солнце своими страшными серпами. Но эта грозная атака не дала почти никакого результата. Пока колесницы успели доскакать до неприятельской линии, значительная часть возниц была перебита стрелами и копьями, и весь строй их пришел в беспорядок. Но и те колесницы, которые ворвались в ряды македонян, не причинили им почти никакого вреда, так как дисциплинированные воины Александра спокойно расступились в стороны. Колесницы проскочили в тыл и были там захвачены македонскими конюхами. . .

Приближался решительный момент боя. В левом крыле персов образовалась брешь. Она получилась потому, что часть войск была брошена оттуда на поддержку фланговой операции. Македоняне немедленно же воспользовались этой тактической ошибкой. Сильная ударная группа из конницы этеров и части фаланги, построившись клином, во главе с Александром бросилась в образовавшийся прорыв. За ней уступом двинулась вся масса фаланги, плотно сомкнувшись и выставив вперед свои страшные са-

риссы. Центр персов попал в тяжелое положение вследствие этого совместного удара слева и спереди. Повторилась недавняя история: Дарий, не обладавший крепкими нервами, не выдержал страшной атаки Александра, повернул свою колесницу и бежал. За ним последовала гвардия, весь центр и левое крыло...

Тем временем на правом фланге персов положение сложилось для них более благоприятно. Они произвели глубокий охват левого крыла македонян, которым командовал Парменион. Вместе с тем персидская и индийская конница, воспользовавшись разрывом между наступавшей фалангой и левым крылом, прорвала не только первую, но и вторую линии неприятельского фронта. Если бы персы были более дисциплинированы, македонской армии грозило бы окружение. Однако персидская конница первым делом бросилась грабить македонский обоз. Это дало возможность, согласно ранее данному приказу Александра, повернуть кругом вторую линию и ударить с тыла на грабивших обоз персидских и индийских всадников. Те стали отступать, но попали под атаку Александра, который, обратив в бегство центр и левое крыло персов, шел теперь на помощь Пармениону. Завязался кровопролитнейший кавалерийский бой. Части персидских всадников удалось прорваться и бежать. Но в это время левое крыло македонян справилось с охватом, и помощь Александра уже была не нужна. Вся персидская армия обратилась в бегство...

Только теперь Александр мог броситься в погоню за Дарием, от которой его отвлекла просьба о помощи Пармениона. Но время было уже упущено. До самого вечера неслась на юго-восток македонская кавалерия. С наступлением темноты Александр остановился, чтобы дать отдых людям и коням, но в полночь снова устремился в погоню. Утром он достиг Арбел, лежавших километрах в восьмидесяти от поля битвы. Но Дария там уже не было... С остатками бактрийской конницы, греческими наемниками и своей гвардией он бежал на восток, в Мидию. В Арбелах македоняне захватили много военных припасов и походную казну Дария.

Битва при Гавгамелах была самым крупным сражением Александра и по количеству участников и по числу потерь. Македоняне лишились 500 человек убитыми и большого

количества ранеными. Потери персов были, конечно, огромны и не могут идти ни в какое сравнение с потерями Александра. При Гавгамелах была уничтожена основная масса живой силы Персии и нанесен такой моральный и политический удар персидской государственной системе, что в дальнейшем Александр долго не встречал сколько-нибудь организованного сопротивления.

ГЛАВА XI

ПАДЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХИИ

Непосредственным результатом сражения была сдача без боя Вавилона, крупнейшего города Востока, старого центра древневосточной культуры. Македонское командование ожидало в Вавилоне сопротивления, и поэтому армия подходила к городу в боевом порядке. При желании, Вавилон можно было бы защищать. Хотя грандиозное кольцо внешних стен города находилось в развалинах, но в полной еще сохранности были внутренние укрепления.

Однако здесь повторилась египетская история. При первых персидских царях Вавилон пользовался известной автономией, но после того, как в 479 г. там вспыхнуло восстание, царь Ксеркс лишил город автономии и разрушил храм главного вавилонского бога Мардука. Это навсегда испортило отношение к персам руководящих слоев вавилонского населения. Поэтому и в Вавилоне на Александра смотрели как на избавителя от персидского гнета. При таком настроении населения сатрап Мазей, бежавший сюда после битвы при Гавгамелах, не считал возможным защищать город. Он вышел навстречу Александру и сдал ему Вавилон. Вместе с ним македонского царя встречали городская знать, жречество и множество народа. Македонская армия вступила в Вавилон, украшенный цветами, среди громких приветствий.

Александр остановился в царском дворце, а войско разместил в богатых кварталах города. Целый месяц оставалась македонская армия в Вавилоне, наслаждаясь непривычными для нее удобствами культурной жизни. Политика Александра явилась здесь повторением того, что он проводил в Египте. Он принял титул «царя Вавилона и четырех стран», древний титул вавилонских властителей, под-

несенный ему жрецами. Этим были подчеркнуты как особое место Вавилона, так и права Александра на «мировое» господство, которые теперь, после Гавгамел, получили гораздо более реальные основания. В качестве вавилонского царя Александр принес жертву Мардуку и приказал восстановить его храм, равно как и другие святилища, разрушенные персами. Управление сатрапией он передал Мазею, но военное командование и сбор налогов были поручены македонянам. Такой системы Александр стал держаться и в дальнейшем, во всех восточных областях бывшего персидского государства.]

Из Вавилона армия направилась в Сузы, древнюю столицу Элама и вместе с тем одну из трех столиц персидских царей (Сузы, Персеполь, Экбатаны). Сузы отстояли от Вавилона на расстоянии 20 дней пути (около 400 км). Так как было известно, что там хранилась часть казны Дария, то Александр сейчас же после Гавгамел послал в Сузы отряд войск под начальством Филоксена. Теперь Филоксен доносил, что Сузы сдались и казна в сохранности. Это же подтверждало и персидское посольство во главе с сыном наместника, встретившее Александра по дороге.

В Сузах в руки Александра попали огромные богатства. Одного только золота и серебра, преимущественно в слитках, было на сумму 50 000 талантов (около 120 миллионов руб.). Эти колоссальные средства явились результатом беспощадной налоговой политики персидского правительства, в течение многих лет обиравшего богатые страны Востока. Несмотря на то, что в Сузах находилась только часть государственной казны персов (другая часть хранилась в Персеполе) и что Дарий, несомненно, истратил на войну огромные средства, — оставшаяся сумма все еще была, по масштабам того времени, сказочно велика.

Сузы были главной резиденцией персидских царей. Вот почему, может быть, Александр сильнее подчеркивал там «патриотическую», греко-македонскую линию своей политики. Источники передают, что он принес жертвы богам «по обычаю предков» и устроил торжественные игры и состязания. Однако управление новой сатрапией было организовано по тому же принципу, что и раньше: намест-

ником был оставлен прежний сатрап, перс Абулит, сдавший город, но комендантом крепости и начальником войск (стратегом) Александр назначил македонян.

Из Македонии пришли новые пополнения. Александр воспользовался ими, чтобы произвести реформу. Она состояла в том, что каждая ила конницы была разделена на два тактических подразделения — лоха, нечто вроде современных эскадронов. Эта важная реформа преследовала цель увеличить подвижность тяжелой кавалерии и, очевидно, явилась результатом опыта предыдущей кампании.

К юго-востоку от Элама находилась Персида, жоренная область племени персов. Именно оттуда в VI в. хлынул бурный поток завоевателей, покоривших Восток и создавших великую монархию, обломки которой лежали теперь у ног македонян. Туда двинулся Александр из Суз. Сначала путь шел через горную страну уксиев (теперь Хузи-стан). Часть этого племени, жившая в долинах, представляла собой мирных земледельцев и без всякого сопротивления покорилась завоевателям. Но горные уксии никогда не признавали власти персов. Поэтому они заявили Александру, что пропустят его войско только в том случае, если он заплатит им столько же, сколько платили в подобных случаях персидские цари. Александр сделал вид, что он согласен на их требование. Ночью же, пользуясь услугами проводников из Суз, с частью войск, незаметно подошел к горным деревушкам уксиев и с наступлением дня разрушил их, перебив много народу. После этого обмана Александру не стоило большого труда форсировать горные проходы, занятые остатками горцев. Уксии вынуждены были покориться, обещав платить дань лошадьми и вьючным скотом.

В дальнейшем Александру предстояло миновать еще так называемые «Персидские ворота», горные проходы, непосредственно выходящие к Персеполю. Они охранялись 40 000 персов, под начальством Ариобарзана, сатрапа Персиды. Он приготовился к сопротивлению, закрыв «ворота» целой каменной стеной. Александр послал Пармениона с обозом и с греческой частью войск обычной дорогой, а сам с македонянами пошел кратчайшим путем через горы. Подойдя к «воротам» и попытавшись взять их, Александр увидел, что по условиям местности это сделать невоз-

можно. От пленных ему удалось узнать, что существует тропинка, ведущая в обход персам. Тогда он разделил свой отряд на две части: одну оставил стоять лагерем перед стеной, а с другой ночью зашел в тыл персидскому лагерю. С наступлением утра по данному сигналу македоняне с двух сторон бросились на персов. Большая часть их была истреблена здесь же, остальные погибли во время панического бегства по кручам гор. Ариобарзану с немногими всадниками удалось спастись.

Македонская армия спустилась теперь в равнину и быстро двинулась к Персеполю. Город был захвачен прежде, чем стража успела разграбить сокровищницу персидских царей. По некоторым сведениям, македонянам досталось здесь 120 000 талантов (около 300 миллионов рублей), не считая огромного количества драгоценностей.

Итак, Александр находился теперь в самом сердце персидской державы. Недалеко от Персеполя лежал город Пасаргады, древняя столица родоначальника династии Ахеменидов и основателя персидского государства Кира Старшего. Там он построил себе скромный дворец, и там же находилась его могила. Персеполь сделал своей столицей Дарий I, второй преемник Кира, создатель персидской мировой державы. В Персеполе воздвиг он дворец с грандиозной открытой приемной залой, окруженной колоннами. Такой же дворец построил и преемник Дария, Ксеркс, виновник похода против Греции в 480 г. и ее опустошения.

Как же вели себя македоняне в Персеполе? Сведения, сохранившиеся на этот счет у греческих источников, разнообразны. Повидимому, город был отдан на разграбление солдатам. Во-первых, надо было дать как следует поживиться македонянам. До сих пор Александр старался сдерживать их грабительские инстинкты, так как захваченные области были не персидскими, и по отношению к их населению нужно было вести очень мягкую политику. В Персиде дело обстояло иначе. Это была коренная персидская страна, страна господствующего племени, с которым македоняне вели войну. С другой стороны, разграбление Персеполя могло иметь в некотором роде символическое значение. Официальной программой восточного похода, выдвинутой еще Филиппом, было «отмщение» персам за

те опустошения, которые они причинили Греции во время похода Ксеркса. Это был официальный лозунг, рассчитанный, главным образом, для греческого общественного мнения. Настоящие причины и цели похода, как мы видели, были совершенно иные. Тем не менее Александр при всяком удобном случае подчеркивал этот момент. Поздний греческий историк Арриан, наш главный и лучший источник по истории Александра, рассказывает, что македонский царь, заняв Персеполь, приказал сжечь царский дворец (повидимому, дворец Ксеркса). Парменион возражал против такой меры, приводя ряд доводов. Для чего уничтожать добро, говорил он, которое перешло теперь в твои руки? Кроме этого, ведь ты явился в Азию не в качестве простого захватчика. Для того, чтобы создать здесь прочную власть, такой путь, путь насилий не годится. Александр ответил, что он хочет отомстить персам за разрушение Афин, сожжение храмов, за все те несправедливости и обиды, которые они совершили при своем вторжении в Грецию. Арриан, таким образом, рисует сожжение дворца, как сознательную политическую меру Александра.

Другие источники изображают дело несколько иначе. По их словам, в царском дворце македоняне устроили пир с греческими гетерами, приехавшими вместе с войском. Одна из них, красавица Таис, афинянка родом, в разгар пира воскликнула, что она, наконец, дождалась того дня, когда может отомстить надменным персидским царям, отомстить самому Ксерксу, разрушившему Афины. Схватив факел, она призывала поджечь дворец. Увлеченный ее словами, пылкий Александр и другие македоняне вскочили с мест, рассыпались по дворцу и стали его поджигать... Этот второй вариант предания очень подозрителен вследствие своих неправдоподобных деталей, рассчитанных на то, чтобы произвести впечатление на читателя. Рассказ Арриана производит впечатление более достоверного и, повидимому, ближе к истине.

В Персеполе Александр пробыл зиму 331/330 г., совершив только несколько коротких экспедиций в различные части Персиды. В это же время он получил из Македонии хорошие известия. Почти весь 331 г. прошел в Греции очень неспокойно. На этот раз во главе антимакедонского

движения стал спартанский царь Агис. Весной 331 г. ему удалось поднять против Македонии почти всю южную Грецию. У Антипатра первое время руки были связаны восстанием македонского наместника во Фракии. Только ликвидировав это восстание, Антипатр мог бросить все свои силы против Спарты. Агис оказался изолированным на юге, так как средняя Греция и, в частности, Афины его не поддержали. Осенью 331 г. около города Мегалополя произошла битва, в которой войска Агиса были разбиты и сам он погиб. После этого в Греции окончательно наступило спокойствие, не нарушавшееся до самой смерти Александра.

Ранней весной 330 г. македонские войска покинули Персеполь. К северо-западу от него, далеко в горах Мидии, находилась третья столица Дария, Экбатаны (теперь Хамадан). Это была летняя резиденция персидских царей. Туда персидский двор обычно переезжал на летние месяцы, спасаясь от невыносимой жары, стоявшей на юге страны — в Сузах, Персеполе. В Экбатанах в данный момент находился Дарий, бежавший туда после Гавгамел. Первое время он, повидимому, еще собирался продолжать борьбу, произведя новый набор. Кроме этого, он надеялся, что македоняне надолго застрянут в Вавилоне и Сузах и, быть может, вообще не пойдут дальше. Но скоро эти надежды исчезли. Новый набор ничего не дал, а Александр, захватив Персеполь и пробыв там месяца три, пошел на Экбатаны.

Дарию оставалось только одно: отступить еще дальше на восток. Отправив вперед свой обоз, он за несколько дней до прибытия Александра двинулся в северо-восточном направлении в сопровождении своей свиты и нескольких тысяч конных и пеших воинов.

В Экбатанах Александр оставался очень недолго, торопясь догнать Дария. Тем не менее он успел провести здесь несколько важных мероприятий. Так, он отпустил на родину фессалийцев и греков, заплатив им полностью жалованье и сверх того раздав 2000 талантов в виде награды. Желавшие могли оставаться у него на службе, но уже в качестве наемников, а не союзников, как прежде. И таких оказалось довольно много. Политический смысл этого мероприятия, повидимому, был таков. Теперь, после

захвата персидских столиц и разрушения Персеполя, Александр считал первую часть похода законченной и официальную цель его — «отмщение» персам за 480 г. — достигнутой. Следовательно, формально греки не были обязаны участвовать в дальнейшем походе, который теперь и де-юре приобретал завоевательный характер (де-факто он, конечно, был таким с самого начала).

В Экбатанах Александр оставил захваченную в Сузах и Персеполе казну персидских царей. Везти ее с собой было бы крайне трудно. Заведывание этими колоссальными суммами Александр поручил другу своей юности, македонянину Гарпалу. В Экбатанах был оставлен и Парменион с частью войска. Он должен был охранять казну и вместе с тем наблюдать за спокойствием в тылах македонской армии. Несмотря на всю ответственность этой задачи, кажется странным, что она была поручена именно Пармениону, самому старому и опытному помощнику царя. Повидимому, разгадка этого кроется в значительном охлаждении Александра к Пармениону, вызванном постоянной оппозицией престарелого генерала. Действительно, на предыдущих страницах мы видели не раз, как он выступал с мнениями и советами, противоположными планам царя. Это не могло не повести к разрыву, тем более, что, как мы указывали выше, за Парменионом стояла группа его единомышленников. С этой точки зрения оставление его в Экбатанах было несомненной опалой, хотя формальным предлогом могло явиться указание на престарелость Пармениона (ему было тогда около 70 лет) и трудности дальнейшего пути.

Сам Александр с главными силами бросился из Экбатан на северо-восток, в погоню за Дарием. Македонская армия двигалась с такой быстротой, что люди и лошади падали от усталости. На одиннадцатый день достигли городка Раги (недалеко от Тегерана), пройдя около 400 км. Недалеко были Каспийские ворота, проход, ведущий из Мидии в Парфию. Но Дарий, как узнал Александр, находился уже по ту сторону прохода. Окружение персидского царя быстро таяло: одни разбегались по домам, другие переходили к македонянам. Отчаявшись догнать Дария, Александр дал отдых войскам в течение пяти дней.

Когда прошли ворота, в македонский лагерь явилось несколько знатных персов из свиты царя. Они рассказали, что сатрап Бактрии Бесс и другие лица арестовали Дария. Это заставило Александра снова ускорить погоню. С конницей и отборным отрядом легковооруженных он бросился вперед, приказав остальной войску двигаться следом за ним короткими переходами. Всю ночь и половину дня продолжалась стремительная погоня. Затем несколько часов отдыха, и снова ночной марш... К утру достигли лагеря, где только что были персы. От новых перебежчиков Александр узнал, что Дария заговорщики насильно увозят в повозке, но что некоторые из персов и греческие наемники остались ему верны. Однако, не будучи в силах помешать аресту царя, они покинули мятежников и ушли в горы...

Отряд Александра был утомлен до крайней степени. Тем не менее погоня продолжалась еще целую ночь и часть следующего дня. Достигли деревушки, где узнали, что беглецы были там накануне. Из расспросов жителей выяснилось, что существует более короткий путь через пустыню, но он почти недоступен из-за отсутствия воды. Это не смутило Александра. Он спешил 500 кавалеристов, посадил на их лошадей фалангитов и вечером поскакал с ними по кратчайшему пути, приказав остальным следовать по главной дороге.

Наконец, под утро нагнали персов. Они двигались в полном беспорядке и разбежались, почти не оказав сопротивления. Но заговорщики, убегая, в последнюю минуту нанесли Дарию несколько ран, от которых он умер, прежде чем успел увидеть Александра (лето 330 г.). Так бесславно погиб последний представитель династии Ахеменидов, не сумевший защитить ни своего царства, ни самого себя. Александр приказал отправить труп Дария в Персиду и похоронить его в усыпальнице персидских царей со всеми подобающими почестями.

Почему группа персидской знати во главе с Бессом убила Дария? Едва ли это было сделано для того, чтобы спасти персидского царя от позора и не дать Александру возможности полного торжества. Смерть Дария политически была выгодна завоевателю, так как она наиболее легким способом избавляла его от огромных осложнений,

неизбежно возникших бы в том случае, если бы Дарий попал в его руки живым. Действительно, тогда встал бы вопрос, что с ним делать? Физически устранить его? Но это противоречило бы всей политике Александра, противоречило бы его взглядам на отношение к безоружному, бессильному, поверженному врагу. Оставить его в живых? Тогда возник бы неразрешимый вопрос о праве завоевателя занять персидский трон при наличии «законного» царя, не говоря уже о том, что живой Дарий мог бы стать центром объединения всех староперсидских элементов. Таким образом, убивая Дария, персидские сатрапы оказали Александру огромную услугу, что вряд ли могло входить в их планы.

Арест и последующее убийство Дария можно объяснить только тем, что часть персидской знати (Бесс, начальник конницы Набарзан, сатрап Арахозии и Дрангианы Барсаент) решила продолжать борьбу, опираясь на восточные области Персии. Подходил ли Дарий для этой задачи? Первые четыре года войны показали, что нет. Человек мягкий и нерешительный, не обладавший личной храбростью, с невысокими организаторскими способностями, Дарий проиграл войну в значительной степени вследствие собственных слабостей и ошибок. Вспомним только его поведение в боях при Иссе и Гавгамелах. К тому же летом 330 г. он, повидимому, находился в полном отчаянии и колебался между бессильным стремлением продолжать борьбу и тайным желанием сдаться на милость победителя. Такой человек, конечно, не подходил в качестве руководителя для последней отчаянной попытки отстоять от захватчиков восточные сатрапии. На этой почве и созрел заговор против Дария. Предполагалось, устранив его, передать правление в руки Бесса. Помимо своих личных способностей, Бесс находился в родстве с Дарием, и таким образом в его лице сохранялась преемственность власти.

Смерть последнего персидского царя завершила катастрофическое крушение восточной монархии. Оно началось с первых военных поражений персов и потери западных областей. Битва при Гавгамелах и последующий паралич государственных центров фактически означали конец древней Персии. Но пока Дарий оставался в живых, со-

хранялась еще какая-то тень государственной самостоятельности. И лишь теперь Александр стал «законным» преемником восточных царей не только фактически, но и юридически. Лишь теперь Александр, оставаясь македонским царем и вождем эллинского союза, стал повелителем гигантской восточной монархии. Это был факт огромного исторического значения, и недаром именно с лета 330 г. начинают резко обостряться все внутренние противоречия, связанные с образованием этого нового, многоплеменного, необычайно пестрого и разнородного государственного организма.

ГЛАВА XI

КАЗНЬ ФИЛОТЫ И ПАРМЕНИОНА

Смерть Дария отнюдь не означала прекращения похода на восток. Прежде всего, туда бежали убийцы персидского царя и там хотели они организовать последнюю защиту. Александр выдвинул новый лозунг: отмщение за смерть Дария. Но и помимо этого ему необходимо было пройти по восточным сатрапиям, создать там опорные пункты своего господства, укрепить северо-восточные и восточные границы государства, которые при персах были весьма условны и неопределенны. Наконец, на восток манила Александра идея, которая все сильнее и сильнее овладевала его воображением: пленительная идея создания мировой монархии. При тогдашних представлениях в этом, в сущности, не было ничего невероятного. Для грека IV в. мир был очень ограничен, начинаясь на западе у Столбов Геракла (теперь Гибралтар) и кончаясь на востоке Индией, омываемой водами Океана. Этот Океан обтекал землю со всех сторон. Каспийское море было его заливом, а огромный материк Африки состоял только из Египта, Эфиопии и Ливии, т. е. северной части Сахары. Это было не слишком много, и за одну человеческую жизнь вполне возможно было все это объехать и даже покорить.

Итак, Александр продолжал движение на восток, — сначала в Гирканию, горную область, лежавшую к юго-востоку от Каспийского моря. Там ему сдались остатки греческих наемников Дария. Часть из них была отпущена по домам, часть включена в македонскую армию, К Алек-

сандру прибыли также и те знатные персы, которые после ареста Дария бежали в горы. Царь принял их чрезвычайно милоство и назначил на ответственные посты.

В Задракарте (теперь Астрабад), главном городе Гиркании, македоняне пробыли 15 дней. Здесь были устроены обычные гимнастические состязания и жертвоприношения. В это время Александр узнал, что Бесс провозгласил себя персидским царем под именем Артаксеркса и через Парфию направляется в Бактрию. Македонская армия двинулась следом за ним. Прибыли в город Сусию (около теперешнего Мешеда). Здесь к Александру явился Сатибарзан, сатрап Арии (теперь северо-западный Афганистан), и выразил полную покорность. Македонский царь оставил его на старом посту, но послал с ним одного из своих стражников, Анакsipпа, с небольшим отрядом.

Из Сусии лежал прямой путь на восток, в Бактрию. Но едва войско сделало несколько переходов, как были получены тревожные известия: Сатибарзан приказал убить Анакsipпа с его отрядом и стягивает большие силы арийцев к Артакоане, главному городу провинции (теперь Герат). Это заставило Александра изменить маршрут. Он повернул на юг, по направлению к Артакоане. Сатибарзан, узнав о приближении македонян, скрылся, а его войско разбежалось. Александр приказал энергично преследовать беглецов. Многие были убиты, других обратили в рабство. Сатрапом Арии был назначен перс Арсам. В Артакоане Александр основал греко-македонскую колонию, Александрию Арийскую.

Восстание Сатибарзана показало, что юго-восточные сатрапии — Ария, Дрангиана, Арахозия — могут стать очагами враждебного македонянам движения. Поэтому Александр решил продолжать путь на юг, в Дрангиану. Сатрапом этой области был сторонник Бесса Барсаент. Он бежал в восточную Арахозию, но был выдан Александру и казнен.

Осенью 330 г. македонское войско находилось в столице Дрангианы Фраде (теперь Пешаверун). Здесь впервые оппозиция македонской знати вылилась в открытой форме. Александр получил донос, что против него существует заговор, во главе которого стоит один из этеров, Димн. Некоторые обстоятельства дела бросили сильную

тень на сына Пармениона Филоту, начальника конницы. Оказалось, что он знал о существовании заговора, но ни слова не сказал об этом царю. Немедленно все заговорщики были арестованы, в том числе и Филота. Димн смертельно ранил себя при аресте, остальных, как государственных преступников, согласно македонским обычаям, судило собрание войска. Они были осуждены на смерть и тут же заколоты копьями.

После этого Александр послал в Экбатаны Полидаманта, одного из преданных ему этеров. Часто меняя быстроходных верблюдов, день и ночь скакал Полидамант, торопясь опередить слухи, которые могли дойти до Экбатан о казни Филоты. Приехав туда, он явился не к Пармениону, а к подчиненным ему стратегам и передал им письмо Александра. В письме царь сообщал об измене Филоты и Пармениона и приказывал убить своего старого полководца. Приказ был выполнен. Когда македонские войска, стоявшие в Экбатанах, узнали об убийстве Пармениона, пользовавшегося среди них большой популярностью, они подняли было восстание. Но их представителям сейчас же прочли письмо Александра, и мятеж прекратился.

Таков краткий и наиболее достоверный рассказ о событиях осени 330 г., который можно извлечь из противоречивых показаний наших источников. Вне всяких сомнений стоит факт организации заговора на жизнь Александра, в котором была замешана часть македонской знати. Заговорщики, насколько можно судить, в своем большинстве не принадлежали к числу наиболее старых и родовитых слоев. Следовательно, социальный состав заговорщиков был несколько иным, чем в том заговоре, от которого погиб Филипп. Убийство Филиппа, как мы видели, явилось делом рук представителей старых княжеских родов Македонии, окончательно лишенных политической самостоятельности отцом Александра. Здесь же участницей заговора была македонская знать филипповской формации, в свое время поддерживавшая политическую централизацию Македонии, поддерживавшая Филиппа и первое время целиком стоявшая за его сына.

Выше мы указывали, каким образом в среде этой знати стало зарождаться противодействие политике Александра.

Оно выросло на почве обширных завоевательных планов царя, которые шли гораздо дальше того, с чем могли согласиться основная масса македонской знати и руководящие круги греческого общества. Образование «мировой монархии» пугало македонян и греков, так как это означало потерю того привилегированного положения, на которое они могли бы рассчитывать, если бы новое государство ограничилось только западными областями персидской монархии. И действительно, поведение Александра внушало им все больше и больше опасений именно с этой точки зрения. Уже в начале похода македонский царь, как мы видели, начал проводить очень своеобразную и странную с греко-македонской точки зрения политику: он оставлял без сколько-нибудь существенных изменений персидскую систему областного управления, назначал сатрапами персов, выказывал максимальную терпимость к местным обычаям, идя здесь, как показали события в Египте, чрезвычайно далеко.

После гибели Дария политика Александра в этом отношении становится еще последовательнее. Не только продолжается практика назначения сатрапами персов (иногда рискованная для самого Александра, как показал случай с Сатибарзаном), но царь начинает привлекать персов в состав своих этеров, набирать персидскую молодежь для обучения ее греческому языку и военному делу македонян и даже вводить придворный персидский церемониал. Все эти мероприятия показывали, что Александр начинает смотреть на себя как на восточного монарха, преемника власти Ахеменидов. И это был, конечно, не только каприз молодого царя и увлечение пышной обстановкой персидского двора: здесь происходил имевший огромное историческое значение процесс сращивания персидской знати с македонянами-завоевателями, двух великих культур — греческой и восточной, происходило образование нового единого государственного организма, в котором должны были, по мысли Александра, исчезнуть все местные особенности.

Как могли относиться к этому греки и македоняне? Некоторые из них, наиболее близкие к Александру, наиболее передовые, наименее связанные с греко-македонской почвой и греко-македонскими предрассудками, поддерживали

его целиком. Это были, главным образом, личные друзья Александра: Гефестион, Птолемей, Непарх и др. Но большинство греков и македонян должно было совершенно иначе реагировать на восточную политику царя. Они смотрели на себя только как на завоевателей, а на персов и другие восточные народы, — только как на завоеванных «варваров». Для них сохраняла все свое значение теория рабства, несколько позднее сформулированная Аристотелем: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные. Уже непосредственно с момента самого рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие — к властвованию... Те люди, которые в такой сильной степени отличаются от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного... те люди по природе своей — рабы...»

Александр был учеником Аристотеля, — но только не в этом вопросе. То место, на которое его выдвинула история, заставило его изменить традиционные взгляды на отношения между греками и «варварами». Он сумел стать выше этих взглядов, отражая в своей политике новые идеи о равенстве по природе всех людей. Эти новые мысли существовали тогда лишь в зародыше и были развиты теоретической мыслью древности лишь позднее. Во всяком случае, они были еще совершенно чужды рядовым грекам и македонянам. И когда они увидели, что политика Александра грозит их привилегиям завоевателей, что в новом государстве персы будут занимать то же самое положение, на какое претендовали они сами, — должен был произойти взрыв...

Заговор 330 г. и был первым открытым проявлением греко-македонской оппозиции против восточной политики Александра. Для оценки его значения важно выяснить вопрос о виновности Филоты и Пармениона. Филота, занимавший чрезвычайно важный пост начальника конницы этеров, был типичным представителем новой македонской знати: богатый, щедрый к друзьям и хвастливый, он с величайшим презрением относился не только к персам и всем восточным народам вообще, но и к рядовым македонским воинам, которые его терпеть не могли. Оппозиционные настроения Филоты, насколько можно судить по нашим

источникам, впервые проявились в Египте, в связи с обожествлением Александра. Правда, дальше разговоров дело здесь не шло, и царь, повидимому, не обращал на них большого внимания. После Египта и вплоть до самой катастрофы 330 г. мы ничего не слышали о каких-нибудь враждебных выступлениях Филоты. Роль его в заговоре Димна не ясна. Повидимому, он не играл в нем активной роли и, быть может, даже не знал о нем вплоть до того момента, когда ему сообщили о заговоре с просьбой немедленно довести об этом до сведения царя. Филота ни слова не сказал Александру, и это являлось единственным серьезным обвинением, которое выдвинули против него на суде.

Что же касается Пармениона, то если верить наиболее надежным источникам, дело его вообще не разбиралось, и он был убит по личному приказанию царя.

Таким образом, прямое участие в заговоре отца и сына недоказано. Но это вовсе не означает, что казнь Филоты и убийство Пармениона явились юридической ошибкой или были следствием какого-то личного произвола Александра. Если даже заговорщики и не посвятили еще Филоту в свои планы (а по отношению к Пармениону сделать это вообще технически было вряд ли возможно, пока он находился в Экбатанах), то рано или поздно они неизбежно должны были это сделать. Парменион и Филота занимали слишком крупное положение в армии, чтобы переворот мог произойти без их прямого согласия или, по меньшей мере, молчаливого одобрения. К тому же весьма возможно, что заговорщики намечали в преемники Александру именно кого-нибудь из них. Поэтому устранение отца и сына для Александра политически было совершенно необходимо, независимо от степени их юридической виновности. Таким путем он одним ударом обезглавливал македонскую оппозицию.

Как отнеслась ко всему этому масса армии? Судя по тому, что дело о заговоре было вынесено на обсуждение военной сходки, недовольство политикой Александра еще не успело захватить широких кругов. Да и число заговорщиков было крайне незначительно: едва ли больше 10 человек. Правда, некоторые наши источники рассказывают о брожении, возникшем в армии после процесса Димна. Шли всякого рода разговоры, а некоторые воины выра-

жали недовольство даже в письмах на родину. Александр пытался бороться с этим путем формирования из недовольных элементов особого «отряда нарушающих дисциплину», чтобы, как выражается один источник, «их неуместная болтовня не испортила остального войска». Результаты этой меры нам неизвестны. Характерно, что в «отряд нарушающих дисциплину» попали представители знатной македонской молодежи, служившие в коннице, но не пехотинцы. Это показывает, что недовольные в этот период вербовались, главным образом, из кругов армейской верхушки, т. е. что оппозиционное настроение еще не проникло в толщу армии.

Из Фрады Александр сначала пошел в восточном направлении, а затем войско повернуло на северо-восток, направляясь в Бактрию. Путь шел через Арахозию, область, пограничную с Индией. В этой суровой горной стране, поздней осенью, македоняне испытали много лишений. Здесь Александр узнал, что в Арии разразился новый мятеж. Туда вернулся Сатибарзан с 2000 всадников, которые он привел от Бесса. Александр немедленно направил в Арию отряд войск под начальством перса Артабазы и этеров Эригия и Карана. Было также послано приказание сатрапу Парфии Фратаферну итти им на помощь. Мятеж быстро ликвидировали: Сатибарзан был убит в схватке, и повстанцы рассеялись.

Наместником Арахозии Александр назначил македонянина Мемнона, — повидимому, учитывая стратегическую важность этой провинции, откуда вели пути как на север, в Бактрию, так и на восток, через долину реки Кабула, в Индию. Здесь были основаны два новые города: Александрия Арахозийская (теперь Кандагар) и севернее ее другая Александрия (вероятно, теперь Газни в северо-восточной части Афганистана).

Не останавливаясь на зимние квартиры, Александр быстро шел на север, торопясь скорее захватить Бесса. Вступили в отроги Гиндукуша, великого горного хребта Азии. Эта страна называлась Паропамисады. В долине Кабула была основана новая колония — Александрия Кавказская. Такое количество новых городов, основанных в Афганистане, объясняется, как указывалось выше, важностью этой страны, где сосредоточивались важнейшие стратегические

пути. Все эти пункты должны были служить прочной опорой новой власти на Востоке.

ГЛАВА XIII

АЛЕКСАНДР В БАКТРИИ И СОГДИАНЕ. УБИЙСТВО КЛИТА И ЗАГОВОР «ПАЖЕЙ»

Перед македонянами лежал Гиндукуш (Паропамис). Они принимали его за продолжение Кавказского хребта и поэтому называли «Кавказом». Этот факт показывает, как неправильны были в то время географические представления о Востоке. Переход через Гиндукуш произошел весной 329 г. и продолжался 12 дней. Македоняне очутились теперь в Бактрии (на севере Афганистана).

Бесс в это время находился в городе Аорне (теперь Ташкурган). Вместе с ним были Оксиарт, Спитамен и еще несколько других представителей персидской знати. Вооруженные силы Бесса состояли из 7000 бактрийских всадников и степного племени дагов. Чтобы затруднить Александру доступ в Бактрию, Бесс приказал опустошить всю область к северу от Гиндукуша. Однако это не остановило македонян. Терпя жестокие лишения от холода и недостатка съестных припасов, они заняли город Драпак (теперь Кундуз), заходя в тыл Бессу. Это заставило его покинуть Аорн и переправиться на ту сторону реки Окса (Аму-Дарья), в Согдиану (теперь Узбекская ССР). Но бактрийские всадники не последовали за ним и постепенно разъехались по домам. Македоняне заняли Аорн и столицу Бактрии — Бактры (теперь город Балх).

Из Бактр Александр направился к Оксу и перешел реку в том месте, где теперь проходит государственная граница между СССР и Афганистаном, на самом стыке Узбекской и Туркменской ССР. Так как Бесс сжег все транспортные средства, то македонянам пришлось переправляться на бурдюках, т. е. кожаных мешках, набитых мякиной, соломой и т. п. Переправа войска потребовали пяти дней.

Вскоре после этого к Александру явились посланные от Спитамена и других персов, находившихся с Бессом. Те сообщили, что они готовы выдать Бесса, если Александр пошлет к ним отряд войска под начальством доверенного лица. Бесс, заявили они, теперь находится у них под арестом.

стом. Александр приказал несколько замедлить движение вперед всего войска, а к Спитамену послал Птолея с сильным отрядом. Через четыре дня Птолей подошел к лагерю, в котором только накануне были персы. Оказалось, что Спитамен отказался от своего первоначального намерения лично выдать Бесса. Птолей, оставив свою пехоту, бросился вперед с всадниками и скоро приблизился к небольшому местечку, где находился с несколькими воинами Бесс, покинутой Спитаменом. Местечко было окружено македонянами, и жители выдали Бесса.

Голый, закованный в железный ошейник, убийца Дария был поставлен возле дороги, по которой шло македонское войско. Александр подъехал к нему и гневно спросил, почему он убил своего царя, родственника и благодетеля? Бесс ответил, что он сделал это не один, а вместе с другими, находившимися тогда около Дария. Таким путем они хотели купить себе спасение у Александра. Но последний приказал подвергнуть Бесса бичеванию, а затем отослал его в Бактры, где впоследствии над ним состоялся суд македонского войска. Бесс был приговорен к смерти. У него отрезали нос и уши и затем отправили в Экбатаны. Там по персидскому обычаю его казнили четвертованием. Этим жестом Александр хотел приобрести симпатии персидской знати.

При переходе через Паропамис македонское войско потеряло много лошадей. Поэтому после поимки Бесса Александр прежде всего занялся комплектованием своего конского состава. Потом направился в Мараканды (теперь Самарканд), столицу Согдианы. В этой отдаленной области персидского государства Александру суждено было провести два года.

Хотя Бесс не представлял больше опасности для Александра, но продолжателями его планов явились Спитамен и другие представители туземной знати. Опираясь на бактрийцев и согдийцев, а также на пограничные племена савков и массагетов, они организовали отчаянное сопротивление пришельцам. Это была настоящая партизанская война, в которой македонские войска не раз терпели поражения.

Из Мараканды Александр прежде всего предпринял поход на север, к реке Яксарту (теперь Сыр-Дарья). Эту реку греки и македоняне называли Танаисом (Доном).

Здесь отразилась та же самая путаница, что и раньше с «Кавказом». Если Гиндукуш казался тогда продолжением Кавказского хребта, то естественно, что крайняя северная река Туранской низменности (Сыр-Дарья) была Доном. Поэтому и племена саков и массагетов греческие писатели той эпохи называют скифами, смешивая их с европейскими скифами.

Уже этот первый поход показал, с какими трудностями придется бороться здесь Александру. Македонский отряд, отправившийся на фуражировку, был истреблен, после чего около 30 000 «варваров» засели на крутой горе и оказали македонским войскам жестокое сопротивление. Несколько атак было ими отбито, причем македоняне понесли большие потери. Сам Александр получил легкую рану. В конце концов гора была взята и большинство ее защитников истреблено.

Но это было только начало. На Яксарте существовало несколько маленьких крепостей, давно построенных персами для защиты границы от кочевников. Александр оставил в них гарнизоны. Но едва македонская армия удалась, как гарнизоны были вырезаны. Пришлось снова вернуться. На Яксарте Александр основал город, назвав его, как всегда, своим именем: Александрия на Танаисе (или Александрия Крайняя, — теперь Ходженд). Это была самая отдаленная точка новой монархии на северо-востоке. Переправившись через реку, Александр совершил короткий рейд в область саков.

Тем временем в тылу у него восстание охватило всю страну. Известную роль здесь играл не очень удачный проект Александра созвать представителей согдийской и бактрийской знати на торжественный съезд в Бактры. Пошли слухи, что этим съездом македонский царь хочет воспользоваться для того, чтобы истребить всю местную знать. Когда Александр находился на Яксарте, он получил известие, что Спитамен осадил его гарнизон в Маракандах. Александр послал на выручку отряд. Спитамен разыграл притворное отступление, а потом, внезапно появившись, нанес македонянам сокрушительное поражение на реке Политимете (теперь Заревшан). Александр должен был отправиться лично. Македоняне опустошили всю долину Заревшана, но Спитамен был неуловим.

Зиму 329/328 г. Александр провел в Бактрах, где и состоялся суд над Бессом, о чем мы говорили выше. Весной 328 г. македонские войска снова пошли в Согдиану, где продолжались волнения. Разделив свою армию на пять колонн, Александр стал систематически очищать страну от восставших. Но как только главные силы оставили Бактрию, там появился Спитамен с массагетами и осадил гарнизон в Бактрах. Начальник гарнизона Пейтон отбил осаждавших, но его отряд попал в засаду и сам он был взят в плен. На помощь явился македонский полководец Кра-тер с более крупными силами, и Спитамен снова был отогнан.

Вторую зиму Александр провел в городе Навтаках (теперь Карши). Неутомимый Спитамен снова появился в Бактрии. Разбитый в ожесточенном сражении, он бежал в степи и здесь нашел свой конец. Вожди массагетов решили купить ценой измены свое спасение: убив Спитамена, они отослали его голову Александру.

К весне 327 г. македоняне овладели последними опорными пунктами повстанцев в Бактрии и Согдиане. Остатки персидской знати погибли или признали новую власть. В знак примирения с ними Александр женился на красавице Роксане, дочери своего бывшего врага Оксиарта. Помимо личного чувства, — источники говорят, что царь влюбился в нее с первого взгляда, — здесь у Александра, как всегда, действовал и политический расчет. Женильба на Роксане была одним из звеньев в длинной цепи мероприятий, имевших целью объединить завоевателей с правящей группой завоеванных. Характерно, что бракосочетание было совершено по иранскому обряду.

Раскрытие заговора Димна, гибель Филоты и Пармениона — не уничтожили оппозиции в рядах македонской знати. Наоборот, ближайшие годы принесли еще большее обострение борьбы. В 328 г. разразилась катастрофа с Климом. Клит был личный друг Александра (хотя и старше его по возрасту), брат его кормилицы, спасший жизнь царя при Гранике. Среди македонских полководцев Клит занимал одно из первых мест. При Гавгамелах он командовал так называемой «царской илой» конницы, а после казни Филоты Александр поручил ему вместе с Гефестионом начальство над всей конницей этеров. Таким

образом, Клит принадлежал к тесному кругу приближенных Александра.

Летом 328 г. штаб-квартира македонской армии находилась в Маракандах. Однажды в праздничный день Александр устроил пир своим этерам. Когда присутствующие были сильно навеселе, молодежь стала распевать на смешливую песенку, которая была сочинена по поводу поражения, нанесенного Спитаменом некоторым из стратегов. Старшие македоняне обиделись, но Александр вместе со своими ближайшими друзьями слушал пение с удовольствием. Клит, который всегда отличался грубостью и несдержанностью, теперь совершенно вышел из себя и начал говорить дерзости Александру. Он резко упрекал его в том, что персам всюду оказывается предпочтение перед македонянами, и, чтобы еще сильнее уколоть Александра, всячески расхваливал Филиппа. Страсти разгорались. Александр обозвал Клита трусом. Тот, протягивая вперед правую руку, воскликнул: «Вот эта рука спасла тебя при Гранике». Едва владея собой, Александр закричал: «Негодяй, неужели ты думаешь, что тебе удастся восторжествовать, всякий раз говоря обо мне такие вещи и вооружая против меня македонян?» Но Клит не унимался. Поднялся страшный шум. Все кричали на Клита, приказывая ему замолчать. Александр в ярости швырнул в него яблоко и стал искать свой кинжал. Но его кто-то успел унести. Друзья Александра умоляли его успокоиться. Но удержать царя уже не было никакой возможности. На него нашел один из тех припадков бешенства, когда он терял всякую власть над собой. Он вскочил и приказал трубить тревогу. Стража не послушалась, а Клита силой увели с пира. Но он сейчас же вернулся через другие двери и стал вызывать декламировать стихи из «Андромахи» Эврипида:

«Как плох обычай наш. Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет».

(Андромаха, стих 693 сл., пер. Анненского с некоторыми изменениями).

Александр выхватил копье у одного из часовых и пронзил им Клита.

Мгновенно ярость Александра пропала. Его охватило такое глубокое отчаяние, что он пытался покончить жизнь самоубийством, но был остановлен окружающими. Александр заперся в своих покоях и несколько дней провел без пищи и питья, не желая никого видеть. Друзья усиленно старались вывести его из этого состояния крайней подавленности, изображая все случившееся, как следствие воли богов. Но, повидимому, особенно подействовали на Александра слова философа Анаксарха, который развил перед ним целую теорию, оправдывающую неограниченную власть царя, стоящую выше всякого закона. В конце концов Александр немного успокоился и принялся за текущие дела.

Это трагическое происшествие несомненно отражало те же самые противоречия, что и катастрофа с Филотой и Парменионом. Хотя столкновение между царем и Клитом носило характер личной и притом пьяной ссоры, но эта внешняя форма не должна скрывать от нас ее политического содержания. Клит, как и большинство этеров, принадлежал к новой, «филипповской» знати и по своим взглядам вряд ли поднимался над уровнем рядового македонянина. Восточная политика царя ему не нравилась, что он не раз выражал в обычной для него грубой форме. Об этом говорят приведенные выше слова Александра. Однако личные отношения Клита с царем мешали ему принять участие в организованной оппозиции. Дальше словесных выпадов дело не шло, и Александр продолжал относиться к нему с доверием. В противном случае царь не назначил бы его за полтора года до этого одним из начальников конницы. Но в Маракандах, под влиянием вина, Клит «прорвало». Александр, который все больше проникался восточными представлениями о неограниченности и «божественности» царской власти, не мог уже теперь переносить дерзости Клита. Еще года за два до этого он, быть может, обратил бы все в шутку, но теперь дело приняло трагический оборот...

Через несколько месяцев после убийства Клита разыгрались события еще более серьезные. Ближайшие друзья Александра решили ввести при дворе персидский обычай, который по-гречески назывался проскинесис — земной поклон. Обычай этот был совершенно чужд грекам и ма-

кедонянам, но составляла неотъемлемую часть персидского придворного церемониала. Сговорились с царем. На очередном пиру Александр обратился с тостом к тем из своих друзей, с кем это было заранее условлено. Первый из них выпил чашу, встал с места, поклонился царю в ноги и получил от него поцелуй. То же проделали и остальные. Очередь дошла до племянника Аристотеля, Каллисфена. Тот выпил чашу, но не поклонился царю, а хотел его только поцеловать. Александр в это время разговаривал с Гепестионом и не заметил, что Каллисфен уклонился от поклона. Но кто-то из этеров обратил на это внимание царя, и тот, разгневанный, не позволил Каллисфену себя поцеловать.

Введение проскинесиса послужило поводом к образованию нового заговора. На этот раз он возник среди так называемых «пажей». Это была знатная македонская молодежь («царские дети», на официальном языке), которая несла личную службу при особе царя. Вскоре после убийства Клита группа этой молодежи, человек 8—10, решила убить Александра. Им удалось привлечь на свою сторону еще несколько человек. План заговорщиков состоял в том, чтобы, подобрав одну из дежурных смен целиком из своих сторонников, ночью убить Александра. На организацию этого ушло больше месяца. Наконец, все было готово. Но один непредвиденный случай сорвал весь план. В ту ночь, на которую было назначено убийство, Александр пропьянствовал с друзьями до утра, а когда пошел спать, заговорщики были автоматически сменены новыми дежурными, не посвященными в заговор.

На следующий день один из участников заговора рассказал о нем своему приятелю, тот сообщил другому, а этот последний донес Птолемею. Птолемей немедленно поставил в известность Александра. Заговорщики были арестованы и под пыткой во всем сознались. Судило их собрание македонского войска. Некоторые наши источники передают интересную речь, которую произнес на суде глава заговора Гермолай. Он подтвердил, что действительно устроил заговор, так как свободному человеку невозможно было снести деспотизм Александра. Он говорил о гибели Филоты, Пармениона и других, которые тогда расстались с жизнью, об убийстве Клита в пьяной ссоре.

Указывал на постоянное предпочтение, которое Александр оказывал персам, на восточную одежду царя и его образ жизни, на введение проскинесиса и многое другое. Не будучи в силах снести все это, он решил освободить себя и других македонян.

Александр приписывается не менее интересная речь. Возражая на обвинение в излишнем пристрастии к персам, он сказал: «Я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой. Поэтому они служат вместе с вами и за вашу власть проливают свою кровь. В противном случае они восстали бы. Не прочно владение, которое вводят мечом, а признательность за благодеяния вечна. Если мы хотим владеть Азией, а не только пройти через нее, нам необходимо оказывать персам милость... Однако меня обвиняют в том, что я переношу в Македонию персидские нравы и обычаи. У многих народов я нахожу то, чему нам не стыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными благами».

Несомненно, обе эти речи в действительности не были произнесены, а просто выдуманы греческими историками с типичной дворцовой идеализацией программы Александра. От этого они не делаются для нас менее интересными, так как в основном правильно передают существо двух политических программ, во имя которых велась борьба. Одна — программа македонской знати, защищающая права и «свободу» македонян, защищающая старую «патриархальную» монархию Филиппа. Другая — программа Александра, создающего государство восточного типа, с неограниченной властью царя и с новым племенным и культурным содержанием.

На суде все заговорщики были осуждены на смерть и побиты камнями.

Заговор пажей бросил сильную тень на Каллисфена. До сих пор знаменитый историк был горячим защитником Александра. Об этом свидетельствуют сохранившиеся отрывки его произведения, в котором он описывал поход. Македонский царь изображен в них в чрезвычайно хвалебном тоне. Еще в деле Филоты и Пармениона Каллисфен

занимал сторону Александра; он был в числе тех, которые утешали царя после убийства Крита. Но введение проскинесиса толкнуло и Каллисфена в оппозицию. Возможно, что уже раньше он в глубине души не одобрял многое из того, что проводил Александр, а проскинесис сыграл только роль последнего толчка. Его отказ от земного поклона показал всем, что он перестал быть в числе тех, которые безоговорочно поддерживали новую политику царя.

Александр имел тем больше оснований быть недовольным, что, по словам Гепестиона, Каллисфен первоначально согласился на проскинесис, но в решительную минуту не сдержал своего обещания. С этого момента между царем и его придворным историографом наступило резкое охлаждение. Недовольство царя усилилось еще больше, когда ему стали рассказывать, что Каллисфен «ходит с тордым видом и хвастается, что он-де уничтожил тиранию, а мальчишки бегают за ним, считая его одного свободным человеком среди остальных тысяч». «Мальчишки» — это были пажи. Действительно, Каллисфен сразу стал пользоваться у них огромным авторитетом. Поэтому нет ничего удивительного, что, когда заговор был раскрыт, Каллисфена стали обвинять не только в соучастии, но и в подстрекательстве. Однако никаких прямых улик против него не было. Ни один из заговорщиков не назвал его имени, хотя они выдали всех своих соучастников. Мнение самого Александра на этот счет колебалось. В письмах, отправленных сейчас же после раскрытия заговора, он пишет, что «пажи» под пыткой сознались в том, что они организовали все сами, без помощи кого-нибудь другого. Но позднее, в письме к Антипатру, он говорит: «Пажей побили камнями македоняне, Каллисфена же я сам накажу».

Повидимому, Каллисфен непосредственно в заговоре не участвовал и ничего не знал о нем. Но после того, как он отказался от земного поклона, «мальчишки», действительно, стали за ним «бегать», а он говорил о свободе, которую попирает новая тирания Александра. Если даже его речи и не содержали прямого призыва к убийству царя, они во всяком случае падали на благоприятную почву и ускорили формирование заговора. Таким образом, Кал-

лисфен фактически стал идейным вдохновителем заговорщиков, чем и объясняется суровая расправа с ним Александра. Он был арестован и впоследствии, уже в Индии, умер в заключении от болезни.

Судьба Каллисфена ускорила расхождение между Александром и его великим учителем Аристотелем. Это расхождение было вызвано теми же самыми причинами, которые толкнули в оппозицию Каллисфена: разрывом царя с традиционной политикой греков в восточном вопросе и его стремлением к самодержавию. Мы уже знакомы со взглядами Аристотеля на «варваров». Развивая эти взгляды, он советовал Александру быть по отношению к грекам «вождем», а по отношению к «варварам» — «деспотом». Но Александр, как мы видели, не следовал этому правилу. Он проводил идею «смещения» греков и варваров, причем и для тех и для других хотел стать неограниченным монархом. Такова была основная причина расхождения. Что же касается дела Каллисфена, то оно обострило личные отношения между Александром и Аристотелем, хотя и не вызвало никаких серьезных практических последствий для философа. Откликом этой вражды служат некоторые исторические произведения, вышедшие из школы Аристотеля, в которых выступает резко-отрицательное отношение к Александру и всем его мероприятиям.

ГЛАВА XIV

ИНДИЙСКИЙ ПОХОД

Поздней весной 327 г. македонские войска покинули Бактрию. Целью нового похода была Индия. Этот поход Александра ясно показывает, что в планы царя, действительно, входило создание мировой монархии. Никакими другими соображениями стратегического или политического характера нельзя объяснить индийского похода. Когда-то в персидскую монархию действительно входил северо-западный угол долины Инда, но это было при Дарии I, в эпоху высшего расцвета персидского могущества. Позднее индийские владения фактически были потеряны, так что Александр для оправдания индийского похода не мог сослаться на необходимость покорить все сатрапии персидского государства. Тем более, что в Индии, как увидим

ниже, он не ограничился завоеванием Пенджаба, т. е. долины Инда и его притоков, а пытался проникнуть и в долину Ганга, которая уже во всяком случае никакого отношения к персидской монархии не имела.

Но помимо идеи мировой монархии, Индия, о которой в греческом обществе ходили самые фантастические рассказы, сама по себе привлекала Александра. При склонности царя ко всему таинственному и необычайному, при его жажде сверхчеловеческих подвигов именно индийский поход должен был казаться ему особенно заманчивым.)

В 327 г. армия Александра сильно отличалась от той, с которой он перешел Геллеспонт. Во-первых, она стала значительно больше, увеличившись за счет пополнений, присылаемых из Македонии, и наборов, производимых на месте. Во-вторых, в нее входило теперь много персов, бактрийцев, согдийцев и других племен восточного Ирана. Изменение состава армии требовало и соответствующего изменения ее организации и тактики. Но в еще большей степени эти изменения вызывались характером военных действий, которые македонянам пришлось вести последние годы. Для борьбы с партизанами восточного Ирана старая македонская военная организация не годилась. Армия была слишком тяжела и неповоротлива, чтобы бороться с неуловимыми степными наездниками. Поэтому Александр провел в своем войске ряд важных реформ. Для придания большей подвижности тяжелой коннице, она была разделена на самостоятельные отряды, гиппархии, куда входили всадники с разным вооружением, причем, повидимому, не только македоняне. Гиппархии, в свою очередь, состояли из более мелких подразделений. Нужно отметить также введение новых родов войск по персидскому образцу: гиппаконтистов, т. е. конных копейщиков, и гиппотоксотов, конных стрелков из лука. Эти части вербовались из туземных элементов. В партизанской войне трудно было действовать большими войсковыми массами. Отсюда выросла новая тактика. Александр начинает применять деление войска на совершенно самостоятельные отряды, включавшие в себя различные роды войск и действовавшие под начальством отдельных командиров.

Уходя из Бактрии, Александр назначил ее наместником македонянина Аминту и оставил ему крупный отряд войск.

С некоторыми индийскими князьями были предварительно завязаны дипломатические сношения. В Пенджабе существовало тогда несколько мелких самостоятельных государств, которые враждовали друг с другом. Это значительно облегчало Александру задачу покорения долины Инда. По выходе из Бактрии армия сначала двигалась старой дорогой, но Гиндукуш перешла по более короткому западному пути. После отдыха в Александрии Кавказской, осенью 327 г., армия свернула на восток и вступила в долину реки Кофена (теперь Кабул). Это был единственный удобный путь, связывавший восточный Иран с Пенджабом. Александр разделил войско на две колонны. Меньшая, под начальством Гефестиона и Пердикки, должна была идти вдоль реки к югу от нее. Ее задачей было, подойдя возможно скорее к Инду, построить на нем мост. Главные силы под командой самого Александра вступили в горную страну, лежавшую к северу от Кофена, также держа направление к Инду.

Колонна Гефестиона и Пердикки довольно легко справилась с своей задачей и быстро достигла Инда. Гораздо тяжелее пришлось главным силам. В горах к северу от Кофена жили сильные и воинственные племена аспазиетов и ассакенов. Особенно трудно оказалось овладеть страной ассакенов. После того как Александру удалось с большими усилиями захватить их главный укрепленный пункт, Масагу, все племя бежало на восток и засело на неприступном горном хребте Аорне, лежащем на правом берегу Инда (теперь этот массив называется Пир-сар).

Александр атаковал Аорн с юга. Невероятные трудности ждали здесь македонян. Несколько нападений их было отбито с огромными потерями. Тогда Александр прибегнул к своему испытанному средству. Так как главным препятствием, мешавшим взять хребет, было ущелье, которое отделяло от него македонские позиции, то в этом ущелье была устроена насыпь. На ней поставили метательные «машины» и засыпали противника градом камней и стрел. Только после этого сопротивление было сломлено и хребет занят.

Взяв Аорн, Александр подошел к Инду, где тем временем был уже построен мост. Здесь войско отдыхало в течение месяца. Весной 326 г. перешли через Инд. На том

берегу реки лежали владения царька Таксила. С ним у Александра уже давно были завязаны дружеские отношения, так как при помощи македонян Таксил собирался одолеть своего старого противника Пора, самого крупного из пенджабских властителей. Александр и его войска были чрезвычайно радушно приняты в столице Таксила, городе Таксиле. Это был крупный торговый и религиозный центр Пенджаба. Здесь греки и македоняне впервые могли познакомиться с древней и высокой индийской культурой.

К востоку от владений Таксила, за притоком Инда Гидаспом, лежало царство Пора. Туда направился теперь Александр. Пор с большим войском, в котором, помимо конницы и пехоты, находилось 200 слонов и 300 боевых колесниц, стоял на левом берегу Гидаспа, желая помешать переправе македонян. Был конец июня, и уже начался период тропических дождей. Полноводная река, которую предстояло перейти под ударами противника, представляла почти непреодолимое препятствие.

В таком трудном положении Александр проявил все качества гениального полководца, дав при Гидаспе одно из своих самых блестящих сражений. Оно особенно интересно тем, что Александр был вынужден действовать в совершенно новой обстановке и поэтому применить новые методы ведения боя. О переправе через реку на виду у противника нечего было и думать. Поэтому пришлось прибегнуть к хитрости. Отвлекая внимание Пора рядом демонстративных попыток перейти реку, Александр оставил на месте значительную часть войска, а сам с 6000 пехоты и 5000 всадников ночью поднялся вверх по Гидаспу. В заранее намеченном пункте он незаметно переправился через реку и рано утром стремительно двинулся на противника. Когда Пор узнал о переправе Александра, он выслал на встречу ему передовой отряд, следом за которым повел свои главные силы. Без труда уничтожив неприятельский авангард, македоняне развернулись в боевой порядок.

В центре своего расположения Пор поставил 200 боевых слонов. В таком крупном масштабе Александру первый раз приходилось иметь дело с этим страшным оружием восточной военной техники. На каждом животном сидел вожак и помещалась небольшая башенка с несколькими стрелками. Слоны были выстроены в одну линию на

некотором расстоянии друг от друга. В интервалах и сзади густыми рядами стояла индийская пехота, численно превосходившая македонскую. На флангах Пор поместил кавалерию, количество которой не превышало 4000, и 300 боевых колесниц.

Такое соотношение сил и построение неприятельского войска определило тактику Александра. Оставив свою пехоту в резерве, он атаковал противника конницей. Правым ударным крылом командовал он сам, левым — Кэн. Стремительная атака Александра быстро смяла левый фланг. Тогда Пор бросил на помощь ему кавалерию с правого фланга. Воспользовавшись этим, Кэн взял ее в обхват. Индийская кавалерия, вынужденная драться на два фронта, стала отступать к своему центру, под защиту слонов. Разъяренные животные двинулись на македонян. Лошади испугались их вида и запаха и стали шарахаться в сторону, так что атака македонской кавалерии приостановилась, и Пор, в свою очередь, перешел в наступление. Но в этот момент в бой вступила фаланга, ударив на противника с фронта.

В центре завязался ожесточенный бой. Индийские войска дрались превосходно, а сам Пор показывал чудеса храбрости. Слоны производили огромные опустошения в рядах македонян: они топтали людей ногами, хватали хоботами, пронзали клыками, в то время как стрелки сыпали сверху дротиками и стрелами. Однако слоны мало-помалу слабели. Много вожаков было выведено из строя, и животные лишились управления. К тому же многие слоны были сами ранены. Кавалерия Александра, атакуя противника с тыла, парализовала наступательные действия неприятельской пехоты, а индийские всадники, сбившись в центре, вносили туда страшный беспорядок. Много людей Пора было раздавлено своими же слонами.

Тем временем главные силы Александра беспрепятственно переправились через реку и довершили разгром противника. Потери индусов были огромны, но и македонян пало около 1000 человек. Сам Пор был ранен и попал в плен.

Битва при Гидаспе сделала Александра повелителем Пенджаба. Верный своей политике, он сохранил Пору его владения и даже увеличил их за счет соседних племен. Од-

нако для обеспечения своей верховной власти царь основал на Гидаспе два города: один — в том месте, где он переправился через реку, а другой — там, где происходила битва с Пором. Первый был назван «Букефала», в честь любимого коня Александра, который как раз в это время умер от старости, а второй — «Никея», т. е. «Город победы».

После продолжительного отдыха, во время которого были устроены торжественные игры и состязания, македонские войска двинулись дальше. Почти не встречая сопротивления со стороны местных племен, они заняли территорию между реками Гидаспом, Акесином и Гидраотом. Еще дальше на востоке протекала последняя большая река Пенджаба — Гифасис. К ней и направился теперь Александр. Здесь, в области царька Фегея, дружески настроенного к пришельцам, македоняне окончательно убедились в печальном факте. Оказалось, что до «конца света» еще очень далеко. За Гифасисом, рассказывали туземцы, на 12 дней пути лежит пустыня, а за ней протекает Ганг, величайшая река Индии. В долине Ганга живут богатые и сильные племена, у которых множество пехоты, конницы и боевых слонов. Пор, к которому Александр обратился за разъяснениями, подтвердил эти сведения.

Итак, старые географические представления о вселенной были опрокинуты, и Александр стоял перед выбором: или вернуться назад, или продолжать путь на восток без твердой уверенности достичь какого-нибудь «конца». Возможно, что в первую минуту, когда царь понял, что цель похода отодвигается в неопределенную даль, его охватило сильное разочарование. Но он не был бы самим собой, если бы отступил перед этим препятствием, да и беспокойная жажда приключений гнала его вперед, рисуя картины таинственного Ганга... Было решено продолжать поход.

И вот здесь-то Александр, первый и последний раз в жизни, потерпел поражение: армия отказалась ему повиноваться. Чтобы ясно представить себе обстановку, в которой разразилась катастрофа, нужно понять физическое и моральное состояние македонского войска. Поход длился уже 8½ лет. Основное ядро армии, оставаясь бессменным, проделало путь в 18000 км среди постоянных опасностей и невероятных лишений. Воины обносились и были крайне

истощены. Тропическая природа Индии действовала унетающе на непривычных к ней северян. Едва только войско перешло через Гидасп, как вступило в полосу непроходимых тропических лесов. «Ветви деревьев, — пишет один римский историк, — как толстые бревна большей частью изгибаются до самой земли, а с земли растут вверх и кажутся уже не ветвями, но особыми деревьями, растущими из собственных своих корней». Множество ядовитых змей кишело вокруг. Укусы их были смертельны, и, пока местные жители не познакомили македонян с противоядием, много воинов погибло. Ко всему этому присоединялись тропические грозы и дожди. С момента выхода из Таксилы, в течение двух месяцев, шли непрерывные ливни. . .

При таких обстоятельствах росказни туземцев о долине Ганга попали на благоприятную почву. Когда войску стало известно решение Александра продолжать поход, всех охватило отчаяние. По лагерю пошли самочинные сходки. Одни воины оплакивали свою судьбу, другие, более активные, открыто заявляли, что они не пойдут дальше. Александр, боясь, что недовольство выльется в более резкие формы, созвал к себе начальников частей и обратился к ним с речью. Он говорил о том, что сделано ими в прошлом, какие труды и опасности преодолены, сколько стран завоевано. Он убеждал их, что цель похода близка: Ганг и восточное море недалеко, а от них уже рукой подать и до Каспийского моря, и до Персидского залива, и до Столбов Геракла, — ведь всю землю обтекает великий Океан.

Гробовое молчание было ответом на горячую речь царя. Никто не осмеливался открыто возразить ему. Наконец выступил Кэн, один из самых близких и верных Александру этеров. Скромно и почтительно он указал царю, в каком состоянии находится войско. Все охвачены тоской по родине, стремлением увидеть своих близких. Нельзя при таких условиях вести армию дальше, необходимо вернуться. «Впоследствии, — говорил Кэн, — ты можешь предпринять новый поход в Индию или в какую-нибудь другую страну, но уже со свежими, молодыми войсками».

Мрачно слушал Александр речь Кэна. Когда тот кончил, одобрительный шум пронесся среди присутствующих, у многих на глазах были слезы. Разгневанный царь распустил собрание.

На другой день он созвал его снова и заявил, что никого не хочет принуждать идти вместе с ним. Найдутся люди, которые добровольно последуют за ним. Остальные могут вернуться домой. Там они расскажут своим близким, что покинули Александра среди врагов. Сказав это, Александр вернулся к себе в палатку и оставался там два дня, не желая никого видеть. Быть может, он надеялся, что среди войска наступит перелом. Однако глубокая тишина стояла в лагере...

Жестокая борьба происходила в эти дни в душе Александра. Он видел, как рассыпается прахом грандиозное здание, воздвигнутое в его мечтах. Он, не испытавший ни одного поражения от врагов, должен отступить перед своим же войском... С другой стороны, Александр, с присутствующим ему чувством реального, не мог не понимать, что продолжение похода действительно невозможно. Он в совершенстве владел своей армией и с ее помощью сумел совершить то, что до сих пор не удавалось ни одному человеку. Но он прекрасно знал, что есть предел всяким человеческим силам и что этот предел теперь достигнут... Настроение войска переломить невозможно. Нужно было возвращаться.

Однако необходим был официальный предлог. Таким предлогом явились неблагоприятные знамения, якобы полученные при жертвоприношениях. Теперь Александр мог сослаться на волю богов... Он созвал наиболее близких к нему командиров и приказал объявить войску, что решено возвратиться. Это известие было встречено громкими криками радости и приветствиями в честь Александра.

На берегу Гифасиса царь приказал соорудить, в знак благодарности богам, двенадцать гигантских алтарей. Вместе с тем они должны были служить памятником его героических деяний. Торжественными жертвоприношениями, скачками и гимнастическими состязаниями старался Александр скрыть от самого себя и от других всю тяжесть понесенной им неудачи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ

ГЛАВА XV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Старой дорогой войско вернулось к Гидаспу. Но отсюда обратный маршрут резко изменился. Еще когда Александр был первый раз на Инде, он поразился, увидя в реке крокодилов. На Ажесине нашли растения, напоминающие египетские. Отсюда у греков и македонян явилось предположение, не находятся ли они в верховьях Нила? Позднее эту фантастическую гипотезу пришлось отбросить, так как от местных жителей узнали, что Инд впадает в великое южное море. Тогда у Александра явилась другая мысль: южное море — не что иное, как тот самый Океан, который обтекает всю землю. Естественно, что после того как план достичь Океана на востоке потерпел крушение, Александр схватился за новую идею: спуститься вниз по Инду и таким путем выйти к Океану на юге. Эта мысль казалась тем более целесообразной, что, как мы видели выше, Персидский залив считался заливом мирового Океана. Следовательно, спускаясь по Инду и плывя дальше на запад, можно было добраться до устья Тигра и Евфрата. Таким образом неверное географическое представление об Океане, обтекающем землю, породило правильную идею о возможности из Индии морским путем достичь Месопотамии.

На Гидаспе началась строительная горячка. Надо было создать опломный флот для перевозки армии. Чтобы добыть хороший строительный лес, совершили специальную экспедицию к Гималаям. Часть перевозочных средств собрали у местного населения. В конце концов в руках Александра сосредоточился флот, состоявший не менее чем из 800 боевых и транспортных судов.

Трудной задачей было набрать для него экипаж: маке-

доняне и жители дальнего Востока отнюдь не были мореходами. Но тут на помощь Александру пришла та пестрая масса всякого люда, которая сопровождала армию на протяжении всего похода. Здесь можно было найти греков, финикийян, египтян, жителей острова Кипра и т. д. Здесь были кунцы, маркитанты, предприниматели, матросы, работяги, всевозможные искатели приключений и т. п. элементы. Из них Александр вербовал главную часть населения основанных им городов, из них же он набрал и экипаж для судов. Главным начальником флота (навархом) был назначен друг царя, грек Неарх, хорошо знакомый с морским делом. Впоследствии Неарх составил прекрасное описание возвращения Александра из Индии, послужившее одним из главных источников для более поздних греческих и римских писателей.

В ноябре 326 г., после торжественных жертвоприношений в честь морских и речных богов, после музыкальных и гимнастических состязаний, огромный флот тронулся вниз по Гидаспу. Главная часть армии следовала за ним по берегам двумя колоннами: правой под начальством Кратера и левой под командой Гефестиона. В составе сухопутного войска находилось 200 слонов. Сам Александр был при флоте.

Первые затруднения пришлось испытать в устье Гидаспа, при впадении его в Акесин. Здесь быстрое течение и водовороты причинили крупные повреждения флоту, особенно мелким судам. Здесь же Александр наткнулся на сопротивление индийских племен маллов и оксидраков. Они занимали территорию по нижнему течению Гидраота и Гифасиса и приготовились к упорной защите. Александр стал лагерем на Акесине и, пока чинили флот, с частью армии по безводной пустыне проник в страну маллов. Этот маневр оказался совершенно неожиданным для противника, так как маллы готовились к нападению Александра со стороны устья Гидраота. Тем не менее укрепленные пункты маллов оказали героическое сопротивление, и при осаде их главного города чуть не погиб сам Александр.

Дело было так. Во время решительного штурма македоняне на одно мгновение заколебались. Чтобы увлечь их личным примером, Александр бросился по приставной лестнице и первый вошел на неприятельскую стену. Осыпавший градом стрел и дротиков, он спрыгнул со стены внутрь го-

рода. Все это пришло так быстро, что за царем успели последовать только два его телохранителя. Прислонившись спинами к стене, они втроем несколько минут защищались от натиска целой толпы врагов, пока Александр не был тяжело ранен в грудь стрелой и упал замертво. Телохранители старались прикрыть его тело щитами. В это время подоспели остальные македоняне. Думая, что царь убит, они в ярости обрушились на защитников города и перебили все его население, не щадя ни женщин, ни детей.

Но Александр был жив. Когда извлекли стрелу, он пришел в себя и стал медленно поправляться. Ложный слух о его смерти докатился до главного лагеря и вызвал там панику и страшное отчаяние. Несмотря на неоднократные объявления, что царь жив, никто этому не верил. Паника дошла до таких размеров, что Александр, едва оправившись, должен был лично появиться в лагере и показаться войнам. Только тогда они успокоились.

Взятие главного города и других укрепленных пунктов маллов заставило их покориться. Подчинились также и оксидраки.

После выздоровления Александра флот двинулся дальше и приблизительно в феврале 325 г. достиг Инда. Здесь снова пришлось выдержать бой с местными племенами. Какое важное значение придавал Александр области нижнего Инда в военном и торговом отношениях, показывает тот факт, что после покорения страны в ней было основано несколько новых городов; многие пункты были заново укреплены и в них оставлены гарнизоны. Отсюда Александр отправил на запад, в Арахозию и Дрангиану, Кратера с сильным отрядом и со всеми слонами. Непосредственной причиной отправки этой экспедиции были известия о происходящих там волнениях. Однако у экспедиции была еще и другая цель: Кратер, пройдя Арахозию и Дрангиану, должен был достичь Кармании, области, лежавшей к северу от Персидского залива, и ждать там Александра.

Наконец, в июле армия достигла дельты Инда. Здесь находился богатый город Патталы. Все жители его при известии о приближении македонян разбежались. Однако большая часть их вернулась обратно, когда убедилась в мирных намерениях пришельцев. В Патталах царь предполагал создать базу для флота, и поэтому приказал по-

строить там верфь и укрепить гавань. Александр горел желанием поскорее увидеть Океан. Инд в ту эпоху впадал в него двумя рукавами. С лучшими судами своего флота царь спустился сначала по западному рукаву. Недалеко от устья эскадра попала в сильнейший шторм и вынуждена была укрыться в одном из боковых протоков. Здесь греки и македоняне стали свидетелями необычайного явления. Вода спала, и корабли внезапно очутились на суше. Через некоторое время вода снова стала прибывать и подняла суда, многие из которых оказались при этом поломанными. Это был прилив океана, который обитатели Средиземного моря видели первый раз в жизни.

В самом устье лежал остров. Около него Александр оставил большую часть эскадры, а сам с несколькими судами выехал далеко в открытое море. Без конца и без края, насколько можно было окинуть взглядом, простирался перед ним Океан... Александр торжествовал: он, наконец, достиг предела обитаемой земли. Принеся богатые жертвы богу морей Посейдону, царь вернулся в Патталы.

Тем временем там всюду шло строительство: укрепления были уже готовы и приступали к постройке верфей. Но Александр хотел исследовать и восточный рукав Инда, чтобы узнать, который из них удобнее для прохода флота. Он снова отправился лично и убедился, что восточный рукав представляет ряд преимуществ по сравнению с западным.

Наступил август 325 г. Приближался день отъезда из Индии. План дальнейшей экспедиции был таков. Флот во главе с Неархом должен был плыть на запад вдоль южного побережья Азии, занимаясь тщательным изучением берегов с точки зрения использования их для будущих стоянок. Главная часть армии под начальством Александра в это же самое время должна будет следовать по суше через Гедрозию (теперь Белуджистан). Предполагалось, что армия не станет удаляться от берега и будет доставлять продовольствие для флота. Как армия, так и флот (а равным образом и отряд Кратера) должны были встретиться в Кармании и оттуда следовать в Вавилонию. План казался очень хорошим, но действительность внесла в него существенные поправки.

Армия двинулась в путь раньше флота, — повидимому, в конце августа месяца. Неарх предполагал остаться в Пат-

талах до октября, когда начинали дуть благоприятные северо-восточные ветры. К тому же Александр хотел заранее устроить на берегу склады продовольствия для флота. Пройдя без особых затруднений через пограничные области Индии, армия вступила в ужасную пустыню Гедрозии. Началась самая трудная часть похода. О связи с флотом нечего было и думать, также как и о сборе для него продовольствия. Берега оказались совершенно бесплодными, и армия вынуждена была постоянно углубляться внутрь страны, чтобы в жалких поселках туземцев добывать себе хоть какое-нибудь пропитание. К мукам голода и жажды прибавился палящий зной. Лошади и вычужные животные были съедены или пали от истощения. Люди гибли тысячами, особенно женщины и дети, сопровождавшие войско. Александр, идя пешком, переносил все трудности похода. Он старался личным примером хоть немного поднять бодрость духа и упавшую дисциплину.

Однако, несмотря на все трудности пути, греческие ученые, находившиеся при войске, продолжали собирать коллекции и изучать флору и фауну пустыни. Об этой научной деятельности мы можем заключить из того большого количества ценных наблюдений о природе Гедрозии, которые сохранились в наших источниках. Здесь, между прочим, найдены были смолистые растения, дающие мирру, и пахучие корни нарда. Финикийские купцы, следовавшие за войском, в большом количестве собирали эти ценные вещества.

Наконец, после двух месяцев пути через пустыню, остатки армии достигли более плодородных мест и вступили в главный город Гедрозии, Пурю. Здесь войско основательно отдохнуло и в начале декабря двинулось дальше в Карманию. Тут произошла встреча с Кратером. Этот последний благополучно проделал большой поход через Арахозию и Дрангиану. Мятежи, которые возникли там во время пребывания Александра в Индии, были ликвидированы. Встречу с Кратером и окончание тяжелой части похода ознаменовали грандиозными празднествами.

Но о флоте не было никаких известий. Неарх отплыл из Индии раньше, чем предполагалось, приблизительно на месяц. Едва только армия Александра покинула Патталы, как настроение населения резко изменилось, и оно заняло явно враждебную позицию по отношению к грекам и ма-

кедонянам. Поэтому Неарх, боясь серьезных осложнений, вынужден был уже в конце сентября отплыть из Паттал. Так как северо-восточные ветры еще не начались, то флоту пришлось около месяца простоять у берегов Индии среди полного штиля, страдая от недостатка продовольствия. Только в конце октября подул долгожданный муссон, и флот мог двинуться дальше.

Плавание протекало в общем благополучно, если не считать недостатка продовольствия и питьевой воды. Неархом и греческими учеными были основательно исследованы берега и собрано большое количество естественно-научного материала. Проводниками флота служили прибрежные жители. По большей части они принадлежали к племенам, стоявшим на очень низкой ступени общественного развития. Одних греки называли «ихтиофагами», т. е. питающимися рыбой. Это были первобытные рыболовы, жившие в кучах морских раковин. Другие еще не знали употребления моталла и пользовались каменными орудиями.

Подошли к Ормуздскому проливу, соединяющему Персидский залив с Индийским океаном. На западе были видны берега Аравии. Куда плыть дальше? На северо-запад, вдоль берегов Кармании, или на юго-восток, огибая Аравию? Вследствие неясности географических представлений, во флоте были сторонники и того, и другого мнения. Однако Неарх чутьем понял, что правильный путь лежит на север. Флот вступил в пролив и причалил к берегу около устья реки Анамис (теперь Минаб). Здесь матросы случайно встретили одного грека, отбившегося от армии Александра, и узнали, что она стоит в пяти днях пути от берега. Велика была радость Неарха. С несколькими спутниками он отправился в глубь страны отыскивать лагерь царя. Не зная дороги, долго блуждали они, пока на них не наткнулись посланные Александра. Царь в это время также узнал о прибытии Неарха и отправил людей отыскивать его. В первый момент никто не мог признать адмирала и его спутников в грязных, оборванных и измученных скитаниями по пустыне людях. Только тогда, когда Неарх назвал себя и потребовал отвести себя к царю, поняли, что пред ними командующий флотом... Трудно передать восторг Александра, когда к нему привели Неарха и тот доложил, что флот цел и невредим! Это радостное событие

послужило поводом для новых празднеств и благодарственных жертвоприношений богам.

Теперь армия и флот были почти дома. Неарх снова вернулся к флоту, который вдоль берегов Кармании и Персиды пошел к устью Тигра и Евфрата. Александр с армией через Пасаргады прибыл в Персеполь, а оттуда направился в Сузы. Когда армия переходила через реку Паситигр, впадающую в Персидский залив недалеко от устья Тигра, она встретила с флотом: Неарх, при известии о приближении Александра, провел суда из залива вверх по реке. Это случилось в самом начале 324 г.

Так закончился великий поход, длившийся, считая с момента перехода через Геллеспонт, почти 10 лет.

ГЛАВА XVI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

За время пятилетнего пребывания Александра на Востоке, в западной части его монархии начался развал. Наскоро сколоченное государство, с персидскими традициями управления, часто со случайными людьми во главе сатрапий, трещало по всем швам. Не раз проникавшие на запад слухи о смерти царя еще более усиливали разруху, создавали атмосферу безнаказанности. Сатрапы крали и притесняли подданных, набирали себе наемников, а в Мидии появился даже узурпатор, некто Бариакс, провозгласивший себя «великим царем мидян и персов». Друг Александра Гарпал, оставленный в 330 г. в Экбатанах в качестве государственного казначея, переехал со всей казной в Вавилон и стал там щедрой рукой мотать государственные деньги вместе с греческими гетерами. Известие о приближении Александра заставило его бежать. Он нанял себе 6 000 греческих солдат, захватил 5 000 талантов (около 12 миллионов руб.) и на 30 военных судах отправился в Афины, собираясь поднять там восстание против Александра.

Все эти факты заставили царя сейчас же по возвращении применить суровые меры для восстановления порядка. Узурпатор Бариакс и его сторонники, а также несколько виновных сатрапов были казнены, наемные отряды распу-

щены, а по отношению к Гарпалу Александр применил иные меры, о которых будет сказано ниже.

Весну и часть лета 324 г. царь провел в Сузах. Он отдыхал после похода, что не мешало ему развивать, как всегда, кипучую деятельность. На этот период падает несколько важных мероприятий. Прежде всего — массовые браки греков и македонян с персиянками. Сам Александр женился на старшей дочери Дария, Статире, и на одной из «принцесс крови», Парисатиде, — несмотря на то, что был уже женат на Роксане. Гефестион вступил в брак с другой дочерью Дария, Дрипетидой. Приближенные Александра, следуя его примеру или, вернее, повинуясь прямому приказанию, также поженились на знатных иранках. Источники сообщают, что таких было около 80 человек. Свадьбы были отпразднованы в один и тот же день по персидским обрядам и с необычайной пышностью. Невесты получили от царя богатые приданые. Простые воины не отставали от начальства. Когда Александр приказал составить список женатых на иранках, таких оказалось больше 10 000. Всем им царь роздал свадебные подарки.

В такой несколько странной форме Александр, с обычной для него стремительностью, осуществлял свою любимую идею: завоеватели и завоеванные должны слиться в один народ, чтобы составить монолитную опору новому государству. Сам он, вступая в брак с дочерью Дария, таким путем подчеркивал преемственность своей власти от старой династии.

Еще во время похода Александр приказал набирать персидскую молодежь, чтобы обучать ее военному делу по македонскому образцу. Таких «эпигонов» (потомков), как он их называл, было около 30 000. В лице их царь явно готовил смену своей старой армии. В Сузах он устроил им парад и включил весь корпус, как самостоятельную единицу, в войска. Наряду с этим Александр стал широко разбавлять свои старые македонские части персидскими и вообще иранскими элементами. Это вызывало недовольство широких кругов македонян, которое скоро должно было проявиться в очень резкой форме. Но Александр почувствовал его еще раньше. Когда он объявил, что хочет уплатить из своих средств долги, сделанные воинами во время похода, и приказал для этой цели составить списки

должников с указанием суммы долга, — никто не пожелал назвать себя. Все боялись, что эти списки царь хочет использовать для целей контроля, чтобы убедиться, кто из воинов живет не по средствам. Александр, возмущенный недоверием воинов, распорядился поставить в расположении войска столы, выложить на них крупную сумму денег, и только тогда должники стали подходить и заявлять, кто сколько должен. Все их долги были уплачены.

Во время пребывания в Сузах царь занялся и греческими делами. За последнее время реальное соотношение сил между ним и греческим союзом значительно изменилось. Если в первые годы похода македонский царь вынужден был считаться с настроением греческих государств, то теперь, после образования грандиозной восточной монархии, Греция политически не представляла для него большой величины. Александр решил показать грекам новый характер своей власти и, повидимому, дал понять союзу, что он желает, чтобы его признали богом. Союзный совет передал это желание (фактически — приказание) царя отдельным государствам, и там в народных собраниях состоялись по этому поводу суждения. Хотя вопрос вызвал некоторую дискуссию, но в конце концов даже Демосфен иронически посоветовал афинянам признать Александра, «если он хочет, сыном Зевса или также и Посейдона». В конце 324 или в начале 323 г. к царю, который был тогда уже в Вавилоне, явились греческие послы и увенчали его золотыми венками, как бога.

Если в этом пункте греки довольно легко уступили, то другой вопрос, благодаря его политическому характеру, не прошел так гладко. Александр приказал союзному совету, чтобы на территории союза были возвращены и восстановлены во всех правах политические изгнанники. Отдавая этот приказ, Александр преследовал цели умиротворения греческих государств, но сделано это было с нарушением конституции союза: македонский царь — формально только глава вооруженных сил союза в борьбе с Персией — ничего, собственно, не мог приказывать помимо союзного совета. Естественно, что распоряжение Александра вызвало в Греции величайшее волнение. Эмигранты торжествовали и прославляли царя, большинство же греческих государств было крайне недовольно декретом. Ведь возвращение из-

гнанников означало возвращение им конфискованного имущества, а это грозило весьма серьезными осложнениями.

Как раз в этот момент в афинскую гавань Пирей прибыл Гарпал, но ему не разрешили высадиться, боясь гнева Александра. Тогда Гарпал оставил большую часть своего флота и украденных денег на юге Греции, а сам на двух кораблях снова явился в Пирей, умоляя о защите. На этот раз ему разрешили высадиться. Однако вопрос этим далеко не разрешился, так как в Афины прибыл уполномоченный Александра и потребовал выдачи Гарпала. Афинские власти, подкупленные растратчиком, приняли такое решение: Гарпала подвергнуть предварительному аресту, а деньги его конфисковать для передачи Александру. Как и следовало ожидать, через некоторое время бывшему казначею удалось скрыться, а когда подсчитали деньги, там оказалось только половина того, что должно было быть. Начался долгий судебный процесс, обнаруживший, что все влиятельные лица в Афинах, в том числе и Демосфен, были подкуплены Гарпалом.

Этот случай в конце испортил отношения между Александром и Афинами. В воздухе запахло войной, но открытое выступление афинской демократии произошло только после смерти Александра.

Жаркие летние месяцы 324 г. Александр, по примеру персидских царей, предполагал провести в Экбатанах. Большую часть войска под начальством Гестииона он отправил к Тигру, а сам с флотом спустился по Паситигру в Персидский залив. Исследовав берега, флот вошел в устье Тигра и, соединившись с армией, поднялся вверх по реке до Описа. Это был важный узловой пункт торговых путей, ведущих с севера на юг и с востока на запад. Александр тщательно изучал пути сообщения своего нового государства.

В Описе Александр объявил своим македонским ветеранам, что те из них, которые по старости или нездоровью неспособны к военной службе, будут отправлены по домам с богатыми подарками. Этот приказ вызвал давно готовящийся взрыв. Во время восточного похода отношения между царем и основной массой его войска — в частности, македонской пехотой — оставались дружественными. Оппозиция, о которой мы говорили выше, захватила только

часть высшего командного состава и была скоро сломлена. Отказ войска в Индии продолжать поход, повидимому, не имел политической почвы и был вызван только крайней усталостью. Но положение изменилось после возвращения с Востока. Реорганизация армии, интенсивно проводимая Александром, затрагивала интересы уже не только ее верхушки, но и основного ядра. Поскольку эта реорганизация состояла в усилении восточных элементов и проводилась одновременно с другими мерами подобного же характера (браки с иранками), она вызвала крайнее недовольство армии, вылившееся в политические формы. Теперь стала складываться более широкая греко-македонская оппозиция, выступавшая против самых основ внутренней политики Александра. Царь прекрасно знал настроение армии, и мера, которую он собирался провести в Опиде, должна была под благовидным предлогом освободить его от части недовольных элементов. Он перестал доверять своей армии, также как армия перестала доверять ему. Быть может, именно на Тифасисе, какой бы аполитический характер ни носило тогда пассивное сопротивление войска, образовалась первая трещина между Александром и его македонянами. Теперь эта трещина грозила превратиться в пропасть.

Когда царь на собрании войска в Опиде объявил о частичной демобилизации, вспыхнул настоящий мятеж. Воины кричали, что они желают идти домой все: пускай царь повоюет один, вместе со своим отцом Аммоном. Только решительные меры могли спасти положение. Александр, окруженный своей охраной, соскочил с трибуны, бросился в самую гущу недовольных и арестовал 13 человек наиболее яро выступавших. Они немедленно же были казнены.

К сожалению, о событиях в Опиде сохранилась только официальная придворная традиция. Вот почему крайне трудно разобраться в этом предании, чрезмерно восхваляющем Александра.

На сходке воцарилось, согласно этому преданию, мертвое молчание. Александр снова взошел на трибуну и начал говорить. Градом страстных упреков обрушился он на македонян. Он напомнил им прежде всего, чем они обязаны его отцу Филиппу: «Филипп получил вас бедными кочевниками, одетыми в шкуры и пасущими овец на горах. Вы не в состоянии были даже защитить их от иллирийцев, три-

баллов и соседних фракийцев. Он дал вам вместо шкур настоящее платье и свел с гор в равнины. Он сделал вас равными в бою соседним варварам, превратил в городских жителей, дал законы и обучил культурным навыкам». В конце концов македоняне стали первым народом в Греции. Далее Александр перешел к себе. Он говорил о том, как он сделал их повелителями Востока, деля с ними все труды и опасности. Но он не желает их более задерживать: пускай все они возвращаются в Македонию и расскажут там, как они оставили своего царя под охраной побежденных варваров. «Уходите!» гневно закончил Александр и сошел с трибуны.

Два дня не выходил царь из своих покоев и не хотел никого видеть. На третий он созвал к себе знатных персов и стал распределять среди них командные посты в новой армии. Эта последняя должна была состоять теперь сплошь из персов, хотя ее части получили названия по македонскому образцу. Многим знатным персам Александр дал почетный титул «родственников», который был принят при персидском дворе. Этот титул давал между прочим право приветствовать царя поцелуем.

Македоняне были ошеломлены. Они не думали, что дело так серьезно. Остатки их мятежного настроения исчезли. Толпой собрались они перед комнатами Александра, бросали на землю оружие и криками и рыданиями стали молить о прощении. Вышел Александр. Тогда выступил вперед один старый македонянин и робко сказал царю, что их больше всего огорчает то, что он называет персов «родственниками». Выход из положения был найден. «Всех вас я делаю своими родственниками!» — воскликнул Александр и поцеловал македонян.

В знак примирения был устроен грандиозный пир, на который царь пригласил около 9 000 человек. Он сидел, окруженный македонянами и греками. Рядом с ними разместились персы, а дальше сидели наиболее знатные представители других народностей Азии. Возлияние богам все присутствующие делали из общего сосуда, а религиозные обряды при этом совершали совместно греческие и персидские жрецы. Александр, обращаясь к богам, просил их даровать македонянам и персам, кроме других милостей, прежде всего единство и согласие в их совместном господстве.

Таково предание, легендарность которого очевидна. Класовую борьбу в армии Александра оно сводит к обиде македонян на то, что персы получили почетное название «родственников царя».

«Примирение», однако, не помешало царю выполнить свое решение об отправке ветеранов. Их набралось около 10 000 человек. Каждый демобилизованный получал полное жалованье до прибытия на родину и, кроме того, 1 талант (около 2 400 руб.) в подарок. Детей, прижитых ими от персидских жен, Александр брал на свое попечение, чтобы не внести раздоров в семьи, оставшиеся на родине. И эти сведения о великодушном отношении Александра к бунтовщикам вызывают настороженность исследователя.

Из Описа Александр с оставшейся армией прибыл в Экбатаны, где провел несколько месяцев. Здесь его поразил тяжелый удар: друг его юности Гефестион, самый близкий к нему человек, его верный помощник во всех делах, заболел злокачественной лихорадкой и вскоре умер. Вся экспансивная натура Александра сказалась в том отчаянии, которое его охватило: трое суток он лежал без пищи и питья возле тела своего друга. Когда прошел, наконец, первый порыв горя, он послал в оазис Сива к своему «отцу» Аммону спросить, как нужно приносить жертвы Гефестиону: как герою или как богу. Тело было отправлено в Вавилон, где Александр хотел соорудить надгробный памятник покойному необычайной величины и роскоши.

Вскоре туда же двинулся и он сам. По дороге к Александру явились посольства от различных народов Африки и Европы: от ливийцев, карфагенян, этрусков, кельтов и, быть может, римлян. Слухи о создании новой могущественной державы на Востоке и сказочном походе Александра проникли на запад. Нужно было как-то определить свое отношение к новому фактору международных отношений, тем более, что африканские владения Александра уже не так далеко отстояли от Карфагена, а от западной Македонии было рукой подать до Италии... Александр принял посольства чрезвычайно любезно, с жадностью расспрашивая их о западных странах: в это время у него был выработан план похода на Запад.

Наступил 323 год, последний год жизни Александра. Говорят, что, когда войско переходило Тигр, приближаясь

к Вавилону, к царю явились послы от вавилонских жрецов с предложением, чтобы он не вступал сейчас в город. Существует-де предсказание Мардука, что это не послужит ему на пользу. Но Александр имел основание не очень-то верить хитрым жрецам и, хотя был достаточно суеверен, на этот раз не послушался предсказания.

В Вавилоне (Александр сделал его своей столицей) он предался лихорадочной деятельности, несмотря на скорбь по Гефестиону. Александр был весь во власти нового грандиозного плана. Он хотел с большим флотом обогнуть Аравию, исследовать ее берега и установить возможность прямого пути из Вавилона в Египет. Это была программа-минимум. Но, повидимому, планы Александра шли еще дальше: из Египта он предполагал проникнуть на Запад, подчинить Карфаген, Испанию и Италию. Выполнение этой программы-максимум означало завершение мечты Александра: создание мирового государства.

Однако мы глубоко ошиблись бы, если бы за этой фантастической формой просмотрели ее реальное содержание. Этим содержанием являлись совершенно конкретные задачи установления связей — экономических, политических и культурных — между Востоком и Западом. Если бы Александр не погиб в расцвете своих сил и творческих замыслов, то, совершенно независимо от того, удалось бы ему создать «мировое» государство или нет, такие связи были бы установлены. Порукой этому служит его восточный поход, где точно также речь шла лишь об установлении аналогичных связей между областями Востока.

Вавилон, по замыслу Александра, должен был стать центральным пунктом торговли между Индией, Персидским заливом и Египтом. Для этого царь приказал приступить к сооружению на Евфрате верфей и огромной гавани на 1 000 судов. Берега Персидского залива предполагалось заселить колонистами, создав там «вторую Финикию». Для этой цели Александр послал специальное лицо в Сирию с крупной суммой денег для вербовки колонистов и покупки рабов. Ряд мелких экспедиций был отправлен как из Вавилонии, так и из Египта для предварительного исследования аравийского побережья.

Для своей главной экспедиции Александр собрал флот в Вавилоне. К его основному ядру — флоту Неарха —

предполагалось присоединить много новых кораблей, которые строились в Финикии и в разобранном виде должны были быть доставлены на Евфрат. Из разных частей государства — Персиды, Малой Азии, Македонии — стекались в Вавилон пополнения для армии.

В мае вернулись послы из оазиса Сивы и сообщили, что оракул Аммона приказал чтить Гефестиона в качестве героя. Вскоре состоялись его торжественные похороны. В Вавилоне новому герою начали строить грандиозный надгробный памятник. Кроме этого Александр приказал воздвигнуть ему два храма в Александрии.

Приближалось время отъезда. Все приготовления к западному походу были окончены. По этому случаю начался ряд празднеств. Александр несколько дней подряд пировал со своими друзьями. В ночь на 3 июня он почувствовал недомогание. Не придавая этому большого значения, он первое время в постели продолжал заниматься делами, отдавая последние распоряжения перед отъездом. Однако болезнь прогрессировала. Повидимому, в Вавилоне Александр схватил малярию, и его организм, истощенный нечеловеческим напряжением последних лет, начал сдавать. 7-го он уже чувствовал себя очень плохо, однако и в этот день вызвал к себе некоторых полководцев и беседовал с ними по поводу новых назначений, которые он хотел провести в армии. 10-го Александр так ослабел, что не мог говорить. 11-го к нему никого не допускали. Среди воинов с быстротой молнии распространился слух, что царь умер, но приближенные скрывают его смерть. Перед дворцом собралась огромная толпа македонян, потребовавших, чтобы открыли двери. Их желание было исполнено. Медленно, один за другим, с глубокой скорбью проходили они мимо постели умирающего. Александр еще узнавал некоторых из них и слабо кивал им головой... Вечером 13 июня 323 г. он скончался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Александр Македонский, прозванный потомками Великим, умер, имея неполных 33 года от роду. Но за эту короткую жизнь он совершил так много, что дела его в иных условиях хватило бы многим поколениям. Его жизнь была

похожа на сказку, и недаром она вошла в сознание потомков, окутанная легендой. Почти юношей начал он великий поход на Восток, размеры и значение которого, быть может, он сам вначале еще не понимал. С железной настойчивостью, преодолевая сопротивление врага, беспощадно борясь с оппозицией македонян и греков, шел он вперед. Страстный и неутомимый дух исканий, жажда сверхчеловеческих подвигов, мечта о невозможном манили его все дальше и дальше. И он зашел туда, куда еще не вступала до него нога европейца. Но Александр не был простым завоевателем. Представление о равенстве людей, которое было чуждо огромному большинству его современников, продиктовало ему идею мирового государства, в котором не будет ни победителей, ни побежденных. Это была не пустая мечта. Для Александра не существовало пропасти между мечтой и действительностью. Со всем пылом страсти и величайшим чувством реального он стал проводить свои планы в жизнь и умер в тот момент, когда здание только еще стало подниматься над фундаментом. . .

После смерти Александра его монархия распалась. Слишком пестра и непрочна она была, и не осталось после него человека, который хотя бы в отдаленной степени мог сравниться с ним.

«... Великие государства Кира или Александра, — говорит тов. Сталин, — не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» (Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1936, стр. 4).

Но дело Александра не умерло. Из его монархии на Востоке выросли новые государства со смешанным греко-восточным населением и смешанной греко-восточной культурой. Торговые пути, проложенные Александром, и основанные им многочисленные города стали базой высокого развития экономической и культурной жизни. Такие города, как Александрия Египетская, сделались в III в. до н. э. центрами мировой торговли. В них развилась культура, многие элементы которой прочно вошли в культурное наследство всего человечества. Дальнейшее историческое развитие:

пошло по тем путям, которые наметились при Александре. Римская мировая держава, ново-иранская монархия Сасанидов и государства арабов частично или целиком сложились из обломков монархии Александра и продолжали развивать основы, заложенные во время великого похода македонян и греков на Восток.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ

		<i>Годы до новой эры</i>
Провозглашение Филиппа царем		359
Рождение Александра	лето	356
Аристотель — воспитатель Александра		343—340
Битва при Херонее	август	338
Общегреческий съезд в Коринфе	конец	338
Свадьба Филиппа с Клеопатрой	осень	337
Начало похода Филиппа против Персии	весна	336
Убийство Филиппа и воцарение Александра	лето	336
Вступление на престол Дария III		336
Северный поход Александра	весна	335
Разрушение Фив	осень	335
Подготовка восточного похода	зима	335/334
Начало восточного похода	весна	334
Переправа через Геллеспонт	апрель — май	334
Битва при Гранике	май	334
Взятие Милета	июль	334
Арест Александра линкестийца	осень	334
Пребывание в Гордии	зима	334/333
Александр в Анкире	весна	333
Выступление Дария из Вавилона	лето	333
Дарий в Сохах	осень	333
Битва при Иссе	октябрь — ноябрь	333
Осада Тира	январь — август	332
Пребывание в Египте	зима	332/331
Выступление из Египта	весна	331
Переправа через Евфрат	июль — август	331
Переправа через Тигр	конец сентября	331
Битва при Гавгамелах	1 октября	331
Александр в Персеполе	зима	331/330

Занятие Экбатан	весна	330
Гибель Дария	лето	330
Заговор Димна. Казнь Филоты и убийство Пармениона	осень	330
Переход через Паропамис	весна	329
Александр в Бактрах. Суд над Бессом	зима	329/328
Борьба с восстаниями	весна	328
Александр в Маракандах. Убийство Клита	лето	328
Заговор „пажей“	зима	328/327
Женитьба на Роксане	весна	327
Начало индийского похода	поздняя весна	327
Вступление в долину Кофена	осень	327
Переправа через Инд	весна	326
Битва на Гидаспе	конец июня	326
Александр на Гифасисе	ранняя осень	326
Начало обратного похода	ноябрь	326
Армия и флот на Инде	февраль	325
Александр в Патталах	июль	325
Выступление армии из Паттал	август	325
Выход флота из Паттал	сентябрь	325
Александр в Кармании	декабрь	325
Окончание восточного похода	начало	324
Пребывание в Сузах	весна и начало лета	324
Мятеж в Описе	лето	324
Александр в Экбатанах. Смерть Ге- фестиона	осень	324
Прибытие Александра в Вавилон	начало	323
Похороны Гефестиона	май	323
Начало болезни Александра	3 июня	323
Смерть Александра	13 июня	323

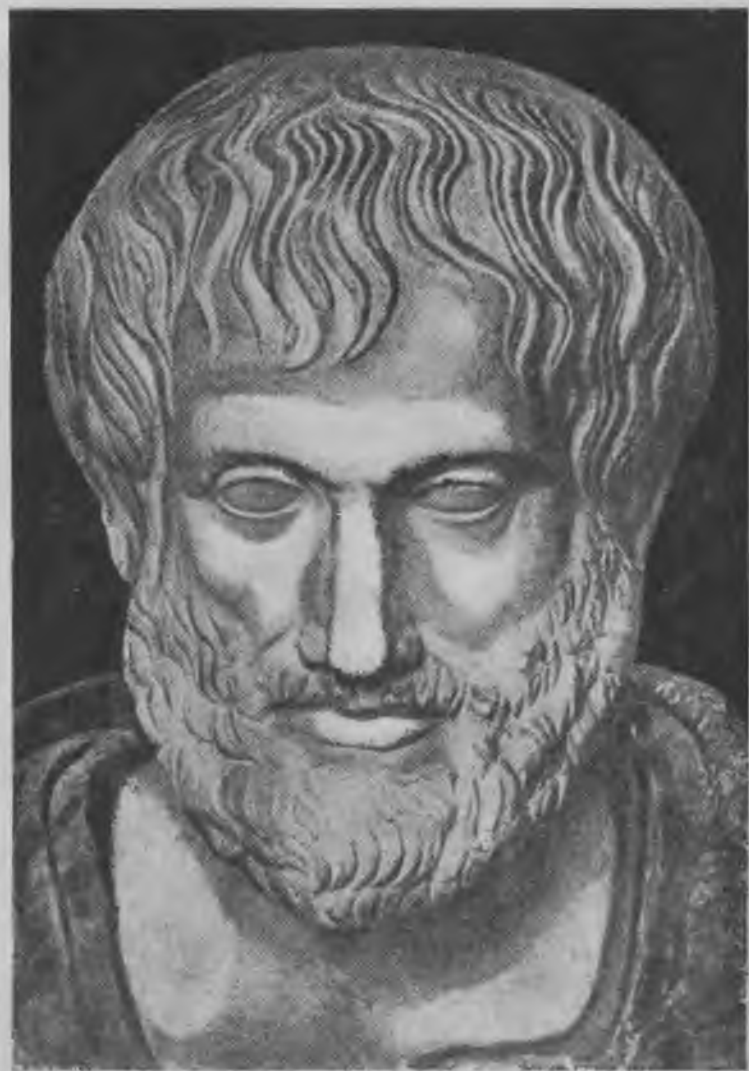
О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА И НАЧАЛО ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

		<i>стр.</i>
<i>Глава</i>	<i>I.</i> Юность Александра	3
<i>Глава</i>	<i>II.</i> Убийство Филиппа и воцарение Александра . . .	15
<i>Глава</i>	<i>III.</i> Северный поход и Фиванское восстание	20
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД		
<i>Глава</i>	<i>IV.</i> Персия в середине IV в. до н. э. Начало восточного похода	24
<i>Глава</i>	<i>V.</i> Граник	29
<i>Глава</i>	<i>VI.</i> Завоевание Малой Азии	33
<i>Глава</i>	<i>VII.</i> Исс	40
<i>Глава</i>	<i>VIII.</i> Осада Тира и попытка мирных переговоров . . .	46
<i>Глава</i>	<i>IX.</i> Александр в Египте	52
<i>Глава</i>	<i>X.</i> Гавгамелы	58
<i>Глава</i>	<i>XI.</i> Падение Персидской монархии	63
<i>Глава</i>	<i>XII.</i> Казнь Филоты и Пармениона	72
<i>Глава</i>	<i>XIII.</i> Александр в Бактрии и Согдиане. Убийство Клита и заговор „пажей“	79
<i>Глава</i>	<i>XIV.</i> Индийский поход	88
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ		
<i>Глава</i>	<i>XV.</i> Возвращение	96
<i>Глава</i>	<i>XVI.</i> Последние годы и смерть Александра	102
	Заклучение	110
	Основные даты	113

Битва Александра Македонского и Дария. Мозаика из Помпей.

Бюст Аристотеля. Римская копия.

Афины. Общий вид.

Афинский акрополь. Реконструкция.

Эхин, вожь македонской партии в Афинах.

Демосфен, вождь антимакедонской партии в Афинах.

Голова статуи Александра.

Статуя Александра из Геркуланума. Бронза.

Александр Македонский. Деталь мозаики из Помпей.

Дарий. Деталь мозаики из Помпей.

Нил и пирамиды.

Сфинкс у пирамиды Хеопса.

Колоннада египетского храма в Луксоре.

Аллея сфинксов с головою барана в Карнаке.

Гробница Кира.

Дворец Ксеркса в Персеполе. Рельефные украшения лестницы.

Дворец Дария. Реконструкция Шипье.

*Персидские гвардейцы. Фриз из цветных изразцов из дворца
Артахсеркса II в Сузах.*

Персеполь. Стоколонный зал. Реконструкция Шипье.

„Саркофаг Александра“.

„Саркофаг Александра“. Деталь.

*Головы воинов. Деталь рельефа на „Саркофиге
Александра“.*

Сцена битвы греков с персами. Рельеф на „Саркофаге Александра“.